

Анатолий Матвиенко

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Демон против Люфтваффе

Анатолий Матвиенко

Демон против Люфтваффе

«Автор»

2024

Матвиенко А.

Демон против Люфтваффе / А. Матвиенко — «Автор», 2024

1936 год. Оккультисты из Анэнербе вызывают демона из преисподней, чтобы укрепить силу арийского оружия. В загробном мире обиделись. Демон, позволивший утянуть себя к смертным, получает задание вселиться в душу грешника и напакостить нацистам. Надо же было комсомольцу, худшему лётчику советских ВВС Ване Бутакову помянуть дьявола в столь неподходящий момент... Две души в одном теле красного военлётца. Прежний хозяин тела умеет летать лишь в теории и на бумаге. И этому дуэту, лишённому не только магических, но и элементарных человеческих умений, поручено напакостить экспертам люфтваффе... Как?!

© Матвиенко А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анатолий Матвиенко

Демон против Люфтваффе

Глава 1

От автора

Да простит мне читатель, что о войне за чистое небо без крестов я рассказываю в ироничной фантазийной форме, не особо утруждаясь исторической достоверностью. Мне довелось брать интервью у многих ветеранов ВВС, в том числе лично знавших Покрышкина и Сафонову, чьи образы выведены в романе. Множество бытовых мелочей почёрпнуто из рассказов моего отца, служившего в АДД в 1943-45 г.г. Война ужасна, трагична, у каждого сложилась своя нелёгкая судьба. Все сходились в одном – на фронте нельзя без улыбки, пусть даже это был смех сквозь слёзы.

Глава первая. Люди и демоны

Мрачный замок в невысоких горах Баварии весна обошла стороной. В долине растаял снег, на деревьях набухли почки, подсохла земля, а средневековая твердыня замерла в стороне от потока времени. Крепостная стена, высокая и неуязвимая с виду, сторожила излучину реки и окрестные скалы. Она не претерпела изменений за многие сотни лет, игнорируя эпохи и катаклизмы.

Через узкий проём, рассчитанный на конных рыцарей или телеги крестьян, втиснулся чёрный «Хорх» с берлинскими номерами. Колёса не успели описать последний оборот, как открылась передняя дверь, и на древние камни выпрыгнул унтершарфюрер. Он почтительно распахнул заднюю дверцу.

Штурмбанфюрер Отто фон Вилленберг неторопливо опустил идеально начищенный сапог на булыжную мостовую. Руки в чёрных перчатках одёрнули китель, украшенный выше локтя алой повязкой со свастикой. Безукоризненно выбритое лицо надменно повернулось к встречающим. Офицер небрежно ответил на приветствие штатского из числа обитателей цитадели, и поздоровался с гауптштурмфюрером (1), которого явно знал раньше.

1. Штурмбанфюрер СС приравнивался к майору Вермахта, гауптштурмфюрер к капитану, унтершарфюрер – к унтеру.

– Гутен абенд! Клаус, развеите мои сомнения. Этот герр Шмультке, чуть руку не вывихнувший от усердия, не кажется мне арийцем. Манеры, ужасный акцент... Вы не находите?

– Яволь, герр штурмбанфюрер. Шмультке – фольксдойче, из поволжских германцев.

Старший офицер с интересом повернулся к предмету обсуждения. Тот соляным столпом замер на пороге донжона, нелепое толстое существо с английскими усиками.

– Красный?

– Найд, герр Вилленберг! – испуганно открестился Шмультке. – Родители бежали от большевиков в двадцать шестом году. Только в Великом Рейхе я обрёл Отчизну.

– Гут, – смягчился берлинский гость. – Будем считать, что расовый вопрос не стоит.

– Вынужден заметить, что помощник доктора – наполовину еврей, – увидев недоумённо и сердито взлетевшие брови большого шефа, гауптштурмфюрер торопливо продолжил. – По распоряжению рейхсфюрера ассистент Берштейн допущен к опытам.

Фон Вилленберг поджал губы. В Анэнербе к чистоте расы относятся весьма скрупулёзно. Неарийскими руками нельзя касаться памяти предков. Однако оспаривать и даже обсуждать приказы главы СС перед низшими чинами – недальновидно. В список предстоящих дел барон мысленно добавил: по окончании опытов отправить Бернштейна в Дахау. Чем бы ни закон-

чился эксперимент, нельзя допустить, чтобы полукровка-мишлинг болтал о секретной организации.

– Допустим. Герр доктор, посвятите нас в подробности эксперимента. Вы отказались говорить по телефону.

– О, покорно прошу извинения, господа, за чрезвычайные меры секретности, – толстяк принялся бурно жестикулировать, засыпая столичного визитёра потоком слов. – Поверьте, дело действительно крайне важное. В случае успеха наши возрождающиеся вооружённые силы обретут несравненное преимущество перед любыми врагами Рейха! Прошу, господа.

Внутренние покои отличались тем же мрачным колоритом. Среди тёмных от времени стен взметнулись отсветы каминного огня. Рыцарские латы, копья, портреты предтеч местного барона создали средневековый антураж, в котором дальнейшие слова эмигранта из Красной России показались если не правдоподобными, то, по крайней мере, не совсем уж безумными.

– Как только по приказанию рейхсфюрера меня допустили к документам Анэнербе о древней скандинавской магии, я почувствовал: сами боги Валгаллы помогут закалить оружие германской нации и одержать победу над врагами нашего великого фюрера! Достаточно провести правильный обряд, тогда мечи и щиты, сложенные у магической пентаграммы, демонстрируют прямо-таки дьявольскую остроту и прочность, несравнимую с обычными изделиями из оружейного сплава, – Шмультке воздел руки к небесам, стоя под портретом своего кумира.

Штурмбанфюреру на миг показалось, что фольксдойче молится не богам скандинавского пантеона, а лично Адольфу Гитлеру. К сожалению, верноподданнические завывания ни на секунду не приближают создание чудо-оружия для новорождённого Вермахта.

– Вы предлагаете вооружить наших солдат мечами и копьями с магической закалкой?

Услышав неприятные обертоны в начальственном голосе, самозванный маг резко изменил тональность.

– Магия одинаково воздействует на любые металлы, герр штурмбанфюрер. Мы получим лёгкую и практически неуязвимую броню для танков, неизнашиваемые стволы орудий, корпуса субмарин, способных к погружению на предельную глубину...

– Довольно, Шмультке. Я предпочитаю один раз увидеть, а не сто раз услышать. И об увиденном доложу рейхсфюреру. Так что постарайтесь произвести правильное впечатление – от моего рапорта многое зависит.

Штурмбанфюрер с нажимом выделил последние слова, и доктор ненаучных дел почувствовал холодок между лопатками, несмотря на жар от камина. Он уловил, что неправильное впечатление дорого обойдётся не только полукровке-ассистенту. Слишком много сил и рейхсмарок потрачено, слишком много обещано. Разочарование смертельно опасно. Но и поводов для уныния нет – предварительные испытания прошли отлично. Тем более они удадутся в полнолуние, когда потусторонние силы особенно активны. Поэтому – нет места сомнениям! С нами Бог, даже если вызываем дьявола!

За час до полуночи два эсесовца и Шмультке поднялись на верхний уровень центральной башни, где копошился невзрачный тип в очках с толстыми стёклами и в поношенном лабораторном халате, не потрудившийся одеться приличнее к высокой инспекции.

– К ритуалу всё готово, – доложил он вкрадчивым шёпотом.

Штурмбанфюрер отметил, что ассистент ни капли не похож на существо, имеющее хоть восьмушку арийской крови. Берштейн, худой, сутулый и крайне неприятный на вид субъект, тоже пробрался в Рейх из проклятой России. Решимость выписать ему путёвку в концлагерь окрепла у эсесовца окончательно.

Башенный зал по виду и содержанию имел несомненное сходство с лабораториями средневековых магов и алхимиков. На столах по периметру скопились стопки старинных фолиантов и свитков. Полным-полно каких-то засохших растений, заспиртованных частей живот-

ных. Полки были уставлены странными приспособлениями или приборами, спрашивать их назначение фон Вилленберг счёл ниже своего достоинства. Наконец, угол ошетинился железками вроде автомобильных рессор и прочего металлического хлама. Экспериментатор пообещал отдать образцы после опыта. Фон Вилленберг покачал головой. Как убедить рейхсфюрера в удачности опыта, размахивая обрезком водопроводной трубы, пусть и дьявольской прочности?

– А сейчас... – голос Шмуйлке окрасился таинственностью. – Мы начинаем! Прошу не двигаться и сохранять молчание.

Трудно не шевелиться без малого час, но что не сделаешь ради могущества и процветания Рейха. Тем более доктор с его полуеврейским ассистентом двигались и голосили за четверых.

По углам пентаграммы шириной около полутора метров зажглись толстые свечи. По мере заувывных молитвенных песнопений Шмуйлке и Бернштейна, гуськом обежавших вокруг этой кабалистической фигуры, замерцали линии пятиугольника. Внутри фигуры вспыхнула багровая правильная звезда, к неудовольствию фон Вилленберга напоминающая марксистский символ, только без серпа и молота. Но коммунизмом тут не пахло, скорее химическими опытами, а через минуту потянуло озоном.

Череп, сложенные в линию на полке у стены, налились алым светом. Нездоровая краснота заполнила глазницы, брызнула сквозь пустые дыры носа и прорехи на месте недостающих зубов. Эсесовцы представили внедрение подобной технологии на серийном производстве танков. Очевидно, в зловещих шаманских условиях согласятся трудиться только самые преданные члены национал-социалистической рабочей партии Германии. А лучше привлечь заключённых из концлагеря, чьё мнение не принимается в расчёт.

Офицеров обуяли тревожные чувства, экспериментаторы впали в мистический экстаз, и только фюрер в портрете на стене сохранил спокойствие.

Полночь! Стальные предметы заболели лихорадкой. Зазвенели трубы и рессоры, Вилленберг ощутил дрожь «Вальтера» в кобуре. Серная вонь перебила запах озона.

– Открыты врата потустороннего мира! Приди, сила! Приди, запредельная мощь! – завопили Шмуйлке и Бернштейн нестройным, но громким дуэтом.

И она пришла, материализовавшись в середине звезды. Но совершенно не в том облики, как демоны из ада в видениях средневековых корифеев. И уж совсем не в образе скандинавских дев-воительниц либо иных трансцендентных созданий, призванных обеспечить непобедимость Вермахта или хотя бы непотопляемость Кригсмарине.

Крепкий мужик ростом под потолок, чуть просвечивающий насквозь в изливаемой черепами красноте, был одет в линялую гимнастёрку без погон, перетянутую ремнём, с треугольниками на рукавах и полоской в петлицах, синие галифе мешком, заправленные в чёрные блестящие сапоги, руки стиснули плётку. Между единственным бесовским атрибутом – парой мелких рогов над ушами – уместилась синяя же фуражка с красным околышем, а над козырьком... Эсесовцы охнули, точно раввин, узревший кусок свиного сала в похлёбке для кибуца. На фуражке призрака сверкнула коммунистическая звёздочка с серпасто-молоткастой парой в середине. Иными словами, в сердце Анэнербе очутилось существо в форме госбезопасности НКВД СССР – хмурый здоровяк, лишённый даже тени доброты в глубоко посаженных глазах.

Немая сцена, некоторым её участникам показавшаяся безумно долгой, длилась около секунды и прервалась нецензурным воплем.

– ...Вашу мать!.. – заорал демон. – Охренели!..

Два эмигранта из Советского Союза поняли русский мат по привычке, эсесовцы догадались по интонации. Подумать о том, удержат ли полоски пентаграммы внутри себя адского гэбиста, экспериментаторы не успели. Рогатый поднял рукоять, и ремённая плеть щёлкнула четырежды.

Пятым ударом обладатель синих галифе отправил горящую свечу под стопку пергаментных свитков, весело вспыхнувших, будто они истосковались по живому огню. Убедившись, что пожар заполняет башню, перекидываясь на тела, демон хмыкнул и исчез. Его не озаботила чрезвычайная прочность автомобильных рессор и пистолета на трупe барона-штурмбан-фюрера.

* * *

Горы Шеньси, семь с половиной тысяч километров восточнее Баварии. Солнце, пыль, грязь, ни дуновения ветерка. Здесь нет дорог, не ездят дорогие немецкие авто с лощёными офицерами в салоне. На узких тропах и ослы встречаются редко, а лошадь смотрится дорогой роскошью, примерно как «Мерседес» на автобане.

Длинная колонна людей едва переставляла ноги по дну ущелья. Нехитрые пожитки, немые свидетельства вопиющей бедности, уместились в мешках, самые обеспеченные катили тележки. За спиной ночной переход и краткий привал. Долгая остановка непозволительна. Их гнали самые страшные стимулы.

Ужас. Безднадёжность. И Восточно-Хэбэйская армия, наступавшая на пятки.

Во главе колонны шествовал, скрывая усталость и страх, строгий китаец в запыленном синем френче. Как у демона из преисподней, его фуражку украшала красная звезда.

– Товарищ Чжеминь! Дети больше не могут...

Вдова Ляо, согнутая под тяжестью узла с вещами, показала сухой ладошкой назад. Детей много. Самых маленьких и слабых родители взяли на руки. Остальные кое-как держались рядом.

На Чжеминя люди смотрели со странной смесью надежды и недоверия. Надежды – потому что коммунисты торжественно пообещали поворот к миру и справедливости, не в отдалённом будущем, а вскорости, надо только разгромить японцев. Но также и горького разочарования, потому что первое же обещание пошло прахом. Навстречу беженцам должен был выйти отряд китайской Красной Армии.

Чжеминь окинул взглядом колонну. Приказ не допускает двойного толкования: как можно быстрее торопиться в горы до самой встречи с военными. Но люди буквально падают. Ещё час или два – их с места не сдвинет никакая сила.

Старший сын вдовы Ляо, тринадцатилетний Сюй, вдруг выскочил из колонны с живостью необычайной. Чумазый палец показал на небо, выпустившее из облака шестёрку чёрных точек.

– В укрытие! Всем в укрытие! – вместо крика из пересохшей глотки Чжеминя вырвался хриплый сип. Он вдохнул полной грудью и заорал: – Воздух!

В северном Китае самолёты были редкостью. Поэтому люди просто застыли, запрокинув головы. Бесследно утекали мгновения, драгоценные секунды. Никто не побежал к скалам, к кустам, хотя бы рассыпную...

Сюй забрался на камень, восторженно глядя в небеса. Он видел самолёт единожды в жизни, биплан с полотняными крыльями сел на краю рисового поля и навсегда изменил его короткую жизнь. Сын мельника и внук пастуха вознамерился стать пилотом! Пока другие деревенские мальчишки мастерили змеев, Сюй приматывал две дощечки-крыла к третьей и носился с ним вокруг хижины, губами изображая тархтенье мотора.

Самолёт превратился в мечту, в идею-фикс, в сказочного дракона Тяньлуна, владеющего небом. А сейчас в долину пикировала сразу шестёрка! Сон превратился в реальность. И, конечно, в свои тринадцать лет он не задумывался, что воздушных птиц нет ни у коммунистов, ни даже у преследователей.

– Сюй! – вдова Ляо бросилась к сыну со всех ног. Откуда только силы взялись...

Меж тем, шестёрка развернулась и полого спикировала к ущелью, в узкий и сложный для пилотирования разрыв между горами. Тонкий звон авиационных моторов вывел беглецов из оцепенения. Кто-то упал на землю, кто-то заковылял в сторону, кто-то пытался спрятать

детей. Измождённые крестьяне сутились, но как-то вяло. О небесной угрозе они знали лишь понаслышке. Не слишком боишься беды, не виденной до этого воочию.

Как Хуанхэ вскипает под ливневым дождём, так вспучилась земля под свинцовыми градинами. Чжеминь выхватил револьвер. Его жалкие хлопки утонули в грохоте авиационных пулемётов.

Женщину сильно толкнуло в спину, безжалостно швырнуло на камни. Она поднялась, больше не чувствуя ни боли, ни усталости, словно японская пуля перебила самый важный нерв, с ним ушла способность страдать. В пыли, поднятой пулемётными очередями, вдова Ляо проделала ещё десяток шагов и рухнула рядом с Сюем.

Он лежал на спине, раскинув руки. В глазах отразились облака и одинокий истребитель «Мицубиси». Воздушная птица мечты не унесла в небо, лишь ужалила и оставила умирать.

Точно также лежали десятки других – кто-то лицом в землю, кто-то упал навзничь. Люди застыли в самых разных позах, в одиночку и целыми семьями. Над тропой повис тихий стон, не похожий на человеческие голоса. Словно разверзлись невидимые двери, принимая души беженцев, и из потустороннего мира прорвались стенания грешников...

Чжеминь потряхнул головой, отгоняя наваждение. Отшвырнул жалкий, бесполезный револьвер. Атеист до мозга костей, убеждённый сторонник Ленина и Мао, он сейчас был готов воззвать хоть к демонам преисподней, лишь бы дали в руки настоящее оружие! Японские аэропланы казались несокрушимой силой, их лётчики – настоящими ангелами ада, несущими смерть или оставляющими в живых по своему капризу.

Китаец не знал, что тогда, летом тысяча девятьсот тридцать шестого года, даже в загробном мире демонов не нашлось бы средства против японской императорской авиации или рождённых немецких Люфтваффе. Но это – дело поправимое.

Глава 2

Глава вторая. Нарушитель устава преисподней

Я отсутствовал на рабочем месте секунд тридцать-сорок. Заключённые грешники, для краткости – зэги, обнаружили в прежнем виде. Ставлю месячный оклад, они не только не повернули головы, но и не шевельнулись. Самый исправленный тихо мычит, повиснув на руках шестёрки и стараясь не пачкать красной юшкой выскобленный пол у входа в жилой блок. Ясно же – капли заставлю вылизывать. И не донора, понятно, тот на ногах не стоит. Двое парней на примете, они вместо отдыха в очередной раз отскребут ноздреватый бетон. А когда кровавый придёт в себя, не позже чем к утру, скажут ему ба-альшее спасибо.

– Зэг 1696!

– Я, ваше дьявольское благородие! – выгнул спину заключённый Моня, он же – глава моего актива.

– Объявляй.

– Отряд! На вечернюю поверку становись!

На месте, гады, деваться некуда. Преисподняя – заведение строгое, не пошалишь, не сбежишь и не загуляешь. Но порядок есть порядок. Или «*Ordnung muss sein*», как говорят мои шестёрки из немецкого эмигрантского пополнения. И «орднунг» должен напоминать грешникам самый их страшный прижизненный кошмар, то, чего больше всего опасались до смертного одра – чёрный воронок у подъезда, ночной обыск, обвинение в шпионаже и переломанные рёбра в подвале. Ну да, разница есть – здесь рёбра срастаются за считанные дни, хоть и болят жутко, особенно если лёгкие продырявлены. Даже зубы вылезут новые, а иначе что выбивать-то в следующий раз? Это у католиков зона классическая – с котлами смолы и прочими архаичными прелестями.

Выбрал троих, свернул им челюсти. Новенькие, не привыкли. Лет за десять оботрут, приживутся. О-па, один капнул-таки красной слюной. Значицца, он и трёт палубу до утра. Понимаю, скучно. Подбираю пару ребят тебе для компании. Когда выпишете братский привет товарищу, снова не заляпайте бетон. Иначе не буду таким добрым, как в этот вечер.

Отряд, несколько изумлённый мизерностью пинков, розданных на последнем построении, рассосался по нарам. Извините, грешники, сегодня не до вас, завтра воздам двойной порцией. Если это «завтра» наступит для меня самого.

Время в преисподней течёт странно. То тянется патокой столетий, то набухает событиями и несётся вскачь, то вдруг замирает, когда боишься следующего дня.

Для зегов я – большая величина, из контролёров переведён в начальники отряда. Им невдомёк, что в реальности их босс и мучитель является таким же заключённым грешником. В мире живых уголовники шутят: мы отсидим и выйдем, а персонал зоны отбывает пожизненно, пока на пенсию не откинется. Но аналогия между лагерями и преисподней не точная. Главное – разница в сроках. Подумаешь, двадцать пять лет лесоповала и десять с поражением в правах... Курорт! Здесь, как правило, от сотки. Самые грешные умудряются и пять сотен схлопотать, с вырванными ногтями, раздробленными коленями и отбитой мошонкой. Больше пятёрки крайне редко, разве что помилованные Господом самоубийцы и другие отъявленные персоны. Вроде занимающих должности контролёров и начальников отрядов.

Мне выписали две тысячи лет, хоть я не накладывал на себя руки. Первую тысячу варился в котле со смолой, месяцами висел распятый на кресте, а уж сколько раз меня обглодали дикие звери... Второе тысячелетие на исходе – в администрации зоны, дослужился от заурядного вертухая до отрядного начальника. И ни малейшей надежды, что по истечении второго срока получу хоть маленькую толику Божьей Благодати. У подобных мне не бывает простого конца.

Вопрос решается индивидуально, а там – пути Господни неисповедимы. Живущие на Земле даже не представляют, насколько неисповедимы.

Да, я нарушил Устав и не одел амулет. Лет сто уже никто не пробовал выдернуть inferнальное существо из преисподней, поэтому ношение амулета между нами не считается актуальным. Многие их забывают надеть, серебряная дура на цепи здорово мешает. Угрозидло же смертных уродов отловить именно меня!

Хлыст, наручники и дубинка аккуратно улеглись на полочке в шкафу. До 9-00 я свободен, утром зэгов на экзекуцию выведет заместитель. Переоделся в штатское, хотя обычная гражданская одежда профессию не скрывает. В городе большинство служащих обоего пола – сотрудники администрации исправительных лагерей. Чем ещё заниматься в преисподней, кроме как воздаянием за прижизненные тяжкие грехи?

Загробное тело умеет напиваться. Понятно, что оно – чистой воды иллюзия, как и всё окружающее, созданное лишь для того, чтобы истязать зэ-гэ и самим мучиться. Господь ничего не изобрёл иного во искупление грехов, только страдания, очищающие души.

Люди, наоборот, проявили чудовищную изобретательность касательно способов заработать прощение, только не согласовали их с небесным начальством. Как негодуют святоши под пытками! Они, бывшие прелюбодеи и сребролюбцы, искренне верят, что замолили грехи и получили их отпущение из рук столь же грешных служителей культа.

По привычке, восстановленной девять веков назад после тысячелетнего перерыва, я завалялся в кабак и через час набухался в дым с красоткой-режимницей из женской зоны. Понятно, без сексуальных перспектив, в этой ипостаси мне и ей нечем согрешить. Загробный мир – не бордель. Но желание расслабиться в присутствии существа противоположного пола невозможно вытравить никакой кастрацией.

– Поклянись, что никому не выдашь мою тайну!

– Клянусь! – пьяно ответила коллега.

Я не поверил. Ну, расскажет. А смолчит – ей максимум год накинут за недонесение, велика беда. Тут у каждого первого такая борода мелких грехов, заработанных уже в посмертии...

Вот обратно в чан со смолой – да, ощутимо. И весьма болезненно. К моему удивлению, случайная собутыльница отнеслась к рассказу вполне серьёзно.

– Ты влип конкретно. Что минуту на работе не был – ерунда. И четверых лишенцев грохнул, это тоже нормально, вызов демона по-любому толкуется как смертный грех. Можно сказать, им одолжение сделал, не дав больше нагрешить. Срок в нашем заведении сократил.

– Но тем самым в Божий промысел вмешался, – я накатил очередной стакан местного пойла и почувствовал, что от мыслей о неприятности снова трезвею. – Куда деваться-то?

– Я бы ничего не стала делать, – чертовка погладила кулон амулета, с которым подобная пакость ей не грозит. – После Мировой войны без счёту душ туда-сюда летает, помер, сердечко помассировали, душа обратно в тело вернулась... Есть неплохой шанс, что проскочит. Верхние могут не уследить.

– Но по Уставу я должен сообщить. Хотя, если честно, меня это мало волнует. По сравнению с несанкционированным выходом в мир живых недонесение – сущая мелочь.

Бесовка тоже глотнула. Она выбрала сине-зелёную муть в высоком бокале. Мало здесь радостей, неприятностей куда больше. Собственно, главное благо в преисподней – этих невзгод избегать и тихо мотать срок.

– Хотя что-нибудь интересное увидел? Я там лет двести не была. Ну, как загнута.

– Нет. Лаборатория, колбы, пентаграмма, свечи, четверо поганцев с вытарашенными гляделками. Я сразу назад.

– Правильно. Нечего рисковать, хоть и говорят, что побывавшие здесь в мире людей обретают дополнительные возможности.

– Какие, например? – ну да, я был на три головы выше парней в чёрной форме и их штатских помощников, убил четвёрку без труда. В руках остался хлыст, переполненный магией – он вынул души грешников. Честно говоря, сложно проявить себя иначе за полминуты.

– Сила духа, реакция, сообразительность. Ты же две тысячи лет назад родился? Жизненный опыт за такую бездну времени дорогого стоит.

– Он, знаешь ли, односторонний. Заживлять иллюзорное тело от ожогов кипящей смолой – умею. Повезёт, и настоящее залечу. Как это может помочь в алхимической башне?

– Наверно. Извини, мне пора. Удачи и не влипай больше по-глупому.

Я проводил её взглядом. Каждый в преисподней пытался... Остатки гениталий в виде дряблого мешочка служат лишь для того, чтобы принимать удар сапогом, отрываться под зубами дикого зверя или шипеть, растворяясь в смоле. Погладь меня там чертовка, наступило бы жуткое возбуждение у обоих, которое совершенно нечем утолить. Преисподняя, господа, весьма неприятное место. Ощутить Божью Благодать мы не можем, простые человеческие радости для нас отрезаны почти все, хотя помним и о грешном, и о высоком.

Наутро я принял очередную партию и, отбив почки новеньким, двинул к начальству по вызову, обуреваемый нехорошими предчувствиями в связи с вечерним инцидентом. В преисподней скверные прогнозы сбываются – традиция такая.

– Вчера амулет носил? – рывкнул мой патрон, нервно теребя металлическую сливу на груди. Или даже на горле, стандартной длины цепь едва охватывает его толстенную шею.

– Какой период времени вы имеете в виду, ваше дьявольское превосходительство?

– Ясно. Вечером шатался без него. Оборот!

– А что, простите?

– Будто не знаешь. Смертные выдёргивали нашего брата наверх.

– Ужас, патрон!

– Не ёрничай. Если до тебя доберутся, мало не покажется. Даже сверху интересовались. Небожители, мать их.

– Ой, бл...

– Именно. Так что готовься. Досье вычисти, напиши себе характеристику и клади мне на подпись. Выпяти поощрения, инициативу по созданию здесь филиала Соловков, досрочное перевоспитание самых замордованных тобой эгов. Я доброе слово замолвлю, потому как если тебя сожрут, и мне ввалют. А всё закончится, лично с тобой разберусь, понял? Так разберусь, что у ангелов помощи запросишь!

– Что вы, патрон...

– Иди!

Раз велено, что мог – подчистил. Сомнительные места длинной трудовой биографии вычесал и привёл в божеский вид, благо зэг Лев Толстой через пару отрядов на киче чалится... Отставить блатной жаргон! Он считается грешным, приравнен к мату, за него годик накинута как с куста. И удержаться трудно. У меня же основной контингент – атеисты из СССР, волею-неволей нахватаешься словечек. По словам недавно расстрелянного, страна напоминает московский трамвай в час пик – половина сидит, остальные трясутся.

Я тоже трясся. Небесная канцелярия и наш филиал работают медленно, месяцами решая простой вопрос, но с неумолимой беспощадностью, которая крупными буквами нарисовалась на постной роже святоши, спустившегося к нам для разборок по моему личному делу. Заняли они минут двадцать, не больше.

Ангел, назначенный для служебного расследования, был высок, аскетично худ и чрезвычайно неприветлив. По-моему, хлебнувшие до самого края Божью Благодать должны выглядеть приятнее. Даже мой босс, быкоподобный гуманоид под два метра ростом и массой в полтора центнера, густо заросший щетиной на тёмной дублёной коже, смотрится если и не милее, то очевидно понятнее, что ли. Да, грубая скотина, как и все мы. Получил срок – получи и

остальное. Небожитель изображает из себя розу среди лужи дерьма. На кистях рук круглые шрамы от гвоздей, им год или тысячу лет – не разберёшь. Такой же грешник, как и мы с начальником 669 зоны, только отбыл уже, типа просветлел, осознал, искупил. И получил право общаться с нами тоном превосходства. Лет через пятьсот и я оденусь в белое, встречу тебя, что мне скажешь... коллега?

Про перспективу через пять веков – вопрос, а на текущий момент он заготовил достаточно слов.

– Послужной список хорош. За вычетом неприятных мелочей, – белый глянул на меня как на повешенного педофила, показывая, что подобной мелочи на сотку наберётся. – Однако последствия этой крайне возмутительной халатности нанесли существенный урон нашему общему делу.

Надо молчать. Но я не удержался и хмыкнул. Структура по воздаянию грешникам во искупление грехов работает тысячелетиями, у нас миллионы персонала. И отдельно взятый начальник отряда смог «существенно»... Чушь полная. Наверняка аукнулись межведомственные склоки и желание использовать ЧП в какой-то каверзе, подлой и ни разу не благой.

– Не надо недооценивать случившееся, – поджал и без того узкие губы ангел, заметив мой скепсис. – Опыты Анэнербе безбожны и бесчеловечны в любом смысле этих слов. В результате последнего эксперимента нацисты уверены, что не сложно извлечь существо из преисподней и заставить служить своим интересам, а четверо погибших в башне всего-навсего перепутали в методике. Конклав шестого небесного уровня планеты Земля обсудил перспективу прямого вмешательства. К счастью, наиболее радикальных удалось отговорить. Нам разрешили частные полумеры.

Мы с боссом изобразили внимательное молчание. Ну, давай, небожитель, опускай на грешные рогатые головы потрясающую новость об успешных «частных» подвигах облачной кавалерии. Святоша и опустил. Но не новость, а меня. Тьфу, опять зеговский жаргон... Надо учиться у бледного. Он шпарит по-протоальному и не запинаясь.

– Запрет на глобальное уничтожение Рейха ангельскими силами не исключает точечного воздействия. В наказание за нарушение Устава и в назидание персоналу зоны я отправлю одну душу со стажем работы в преисподней для борьбы с грешниками, осмелившимися баловаться магией вызова. Конкретно – вас!

Если озвучить мои мысли при оглашении вердикта да выбросить матерные, между рогов образовалась пустота. Нет, мыслей-то много, а произнести их вслух не могу – год в плечи получить неохота. Худшее самое – если миссию завалю, меня понизят. И не факт, что только до контролёра. Пристроят к Яше Свердлову в отряд, где он паханом, а я на правах опущенного чушка...

– Я в одиночку должен развалить Анэнербе?

– Зачем же обвинять семнадцатую канцелярию шестого небесного уровня в даче заведомо невыполнимого задания? – ответил ангел вопросом на вопрос, демонстрируя прижизненную национальную принадлежность. – Анэнербе, или «Наследие предков» – плоть от плоти нацизма, симптом болезни германского социума. Надо лечить их государство и общество. Кстати, по всем признакам, в ближайшие месяцы Тысячелетний Рейх начнёт участие в военных авантюрах. Воюйте против, уничтожайте технику и живую силу.

– В одиночку?! – да, пришлось повторить это слово, с первого раза небожитель не врубился.

– Не прибедайтесь. При жизни вы не страдали отсутствием талантов. И демонические способности, отточенные на зоне, с вами останутся. Я не жду объявления индивидуальной войны Гитлеру. Присоединяйтесь к любой воюющей с нацистами стране, и – вперёд!

– На тысячу лет...

– Столько наци не протянут. Наши оракулы предсказывают... Гм, вам не нужно знать. Просто – сражайтесь. Мстите за попрание гордости загробного мира. А я буду следить. Успешное выполнение миссии сокращает срок до Божьей Благодати, уклонение влечёт новые испытания. Очень долгие и крайне неприятные. Включая высшую меру. Впрочем, вы в курсе. На этом разрешите оставить вас, э-э... коллеги.

Твою ж... маму. Таки дождался от него этого слова, и пятисот лет не прошло. От упоминания о высшей мере что-то внутри меня дрогнуло. Даже самые закалённые грешные души пробирает холодом в котле с кипящей смолой, если думать об этом, самом страшном.

Белый махнул рукой над столом моего шефа, там появился листок с аккуратным текстом. Затем небожитель растворился в воздухе.

Босс пробежался глазами, почесал шерсть позади левого уха и участливо заявил:

– Я тебя размажу. Потом.

Не поверить трудно. Однажды он отловил мелкого беса, напакостившего ему лет триста назад, пока оба ещё пребывали в ипостаси временно здравствующих. Лишь тогда довелось узнать, что случаются травмы, не заживающие даже на иллюзорном теле сотрудника преисподней.

Забрав листок, я потопал в отряд. Зёгов надлежит окончательно сдать заму, там же разок плотно побеседую со свежими душами на предмет последних новостей из мира живых.

Кто бы мне раньше сказал – счёл бы шуткой, да только притерпелся я уже к размеренной жизни зоны. Всё ясно и расписано на столетия вперёд – ежедневная пытка и редкие радости. Потому неохота убираться отсюда. Среди живых куда больше удовольствий и соблазнов... Но я отвыкал от них почти две тысячи лет! Словом – хреново.

Внимательно перечитал приговор. Что удивило – за двух эсесовцев и плотного господина получил, выражаясь официально, лёгкое порицание. Так, пожурили слегка, согласившись с желанием сохранить в тайне вызов демона. А четвёртый, ассистент экспериментатора, имел смягчающие обстоятельства и при большом желании мог даже отработать при жизни часть грехов. Например, угодить под еврейский погром и сдохнуть мученически. Отшвырнув подлую бумажку, я понял главное: от меня ждут эффективной работы на войне. Количество побочного ущерба мало волнует, хотя лучше без сопутствующих жертв, за них возможно наказание. Святоши, мать их... Ведут себя высокомерно, будто им открыты тайные сакральные истины, недоступные простым труженикам зоны.

На самом деле, идиотизм условий – в Сталина или иного лидера вселяться нельзя, магическое оружие не применять – говорит о том, что предписание родилось в виде компромисса между желанием вздрючить нацистов и требованиями высокой политики о невмешательстве. Ангелы решили совместить несовместимое и выдумали бюрократическую глупость, за которую отдуваться мне.

Когда-нибудь и я среди них окажусь. Неужели превращусь в надменного сноба?

У соседа одолжил немецкого коммуниста и выслушал целую речугу о перспективах партии Тельмана в борьбе против коричневой чумы. Понял две вещи – у партии германских коммунистов перспективы не просматриваются, как бы ни хотелось им иного, а их национальный вождь Гитлер планирует воевать с французами и славянами, попутно задавив евреев и цыган. В общем, «Дойчланд убер аллес», причём в Дойчланд должен постепенно превратиться весь мир. Одним словом, Чингисхан Цезаревич Македонский. Ну, три слова... В русском языке тоже три важных слова, остальные – производные и связующие.

Я отправился в бар. Можно пропить остатки нашей местной валюты – адских дукатов. Пока у живых обретаюсь, здесь вроде бы должны командировочные собраться. Да и со стаканом лучше думается, недаром последние сотни лет провёл преимущественно в компании русских покойников.

Могу вылезти в любой точке земного шара, рано или поздно хер Хитлер туда припрётся. Не сам, естественно, а с войском, подлежащим истреблению моей недрогнувшей рукой. Жить, развлекаться, ждать появления германского жертвуса? А если его раздолбают раньше? Святоша этого так не оставит. Получается, всякие Чили-Гондурасы отпадают. Да и плохо у меня с местными языками. Ну да, поджаривал их грешников, кричали что-то вроде «дьябло-кар-рамба». Нет, лучше русские. Стольким рёбра переломал – они почти родные. Язык их знаю, даже в башне Анэнербе именно по-русски заговорил... Рефлекторно согрешил. Уж очень выражения к случаю пришлись.

С нацистами рано или поздно русские сцепятся, это факт. А если полыхнёт войной в другой точке, я же не дуб с корнями, мне не в падлу и перебежать... Отставить жаргон! Выйду к живым – тогда сколько угодно. Конспирация оправдывает.

Запер квартиру, взял листок с визами на выход к солнцу и побрёл, не оглядываясь. Долгая жизнь в преисподней приучает к приметам и суевериям. Тьфу-тьфу...

Глава 3

Глава третья. Красный военлёт Бутаков

Пьющий лётчик – существо недолговечное. Или разобьётся, или, что вернее всего, от неба его отлучит трезвое начальство. От греха подальше. Подшивать бумажки, пересчитывать запасные покрышки к шасси или проверять несение караульной службы возле аэродрома. Всё же человек при деле. А значит – при небесах.

Он споткнулся. Знает же, что пор-рожек высокий... Ик! Да только после литра выпитого рельеф местности не чётко помнится.

Снова споткнулся. Да что же это такое! И комсомолец Иван Бутаков произнёс фразу, круто поменявшую его однообразную жизнь.

– Понаставили тут... Дьявол меня забери!

Словно что-то треснуло по голове. Не, потом и вправду ударило, когда потерявший управление лётчик совершил жёсткую посадку в приходежей. Да ещё скапотировал, то бишь перевернулся вперёд на пробеге. В том виде его и нашла жена, лежащим поперёк полосы и источающим знакомые до тошноты ароматы алкогольного топлива.

За тонкой стенкой раздались похожие звуки. Жена военлёта Фролова принимает там другой подбитый экипаж. Они явно совершили групповой вылет с соседом.

Не имея возможности поставить своё сокровище на шасси, мадам Бутакова отбуксировала бесчувственный фюзеляж в спальню, пристроила на коврик, стащила сапоги и прикрыла пледом, обеспечив тазиком около физиономии. Жёны борцов с зелёным змием – опытные и предусмотрительные женщины. Но и она сплеховала, когда муж вдруг принял вертикальное положение. Глазки впились в законную половину изумительно трезвым взглядом. Он сурово спросил:

– Ты кто?

Дело в том, что грешная душа комсомольца, одурманенная дешёвым пойлом в виде самодельной смеси спирта плюс немного воды, уютно дремала, свернувшись в комок. Поэтому существо из преисподней, вселившееся в тело сталинского сокола, не имело возможности достучаться до неё и спросить – где мы, кто мы и зачем мы... Такова прихоть Создателя, единство души и тела. Раз плоть напиталась этиловой отравой, дух погрузился в краткосрочную нирвану, не слишком отличающуюся на земле и в кабаках для администрации загробных лагерей. Душам тоже расслабиться нужно. А узнавать что-то у пьяного в сосиску – так же нелепо, как расспрашивать о теории Юнга сантехника дядю Колю, уснувшего после магарыча в ЖЭКовской каморке. Поэтому вселенец из преисподней оказался предоставлен сам себе, имея в распоряжении молодое тело, из которого тут же улетучился хмель, и второе женское тело рядом, от ужаса открывшее рот.

– Я – жена твоя! Допился до потери памяти, бестолочь...

* * *

Меня можно упрекнуть в злоупотреблении полномочиями. Но войдите в положение мужского существа, не знавшего женщины две тысячи лет! Поэтому, вместо выполнения задания по уничтожению нацизма силами отдельно взятой человеко-единицы, я предался обычному для смертных сладкому греху. Другое оправдание – надо же вживаться в общество, так сказать, в роль входить. Ну, и вошёл. Не только в роль, но и в куда помягче... Класс! Не Божья Благодать, конечно, но спасибо Создателю и за это. А также бывшему главнокомандующему телом, что нормальную бабу себе выбрал. Теперь уже не себе, а нам.

– Может, хватит, Ванечка! – тихо прошептала ночная фея после третьего раза.

О, порция полезной информации. Отныне я – Иван. Остались мелочи: фамилия, профессия (что-то военное), биография, имена-фамилии родственников, соседей, сослуживцев по воинской части, специальные навыки... Ну, это постепенно.

Сколько новых ощущений! Или давно забытых старых. Моя фантомная загробная плоть за ненадобностью была лишена трёх четвертей из них. Кажется, пора в клозет... Я почти две тысячи лет в него не ходил!

Сапоги и галифе практически не отличаются от бутафорских энкаведешных, гимнастёрка тоже. Удобства где-то во дворе, но не искать же в темноте. У заборчика я нащупал часть тела, десять минут назад использованную с огромным удовольствием. Как долго ты отсутствовал, дружок! По замыслу устроителей загробной жизни, отрезание у мужчины отличительного причиндала, во-первых, выполняет наказательную роль. Во-вторых, готовит к духовной бесплотной жизни, лишённой атактистических порывов. Но это – предположения. Пути Господни неисповедимы, знаете ли.

Ох, ещё чего-то остро хочется. Наверно, закурить. Но я не умею! Придётся ждать, когда соизволит проснуться душа донора. Или реципиента? Если отдал мне тело – донор, коли принял меня – реципиент... Выбора нет, Ванечка очуняет и пусть курит на здоровье, а там посмотрим.

Заботливая супруга с неизвестным именем зажгла свет. Электрический, не хухры-мухры. В жёлтом полумраке я глянул в зеркало и чуть не разразился матом почище, чем в башне Анэнербе. На гимнастёрке аккуратной женской рукой пришиты голубые петлицы с двумя кубарями и крылышками. Сталинский сокол, мать твою... Пехотой командовать не проблема – что отрядом на зоне, что центурией и когортой в прошлой жизни. А на самолёте нужно хотя бы элементарно научиться летать! Интересно, Ванятка умел? Или только должен был уметь?

– Ва-ань! Ты удостоверение не потерял? Как в прошлый раз.

Оно нашлось в нагрудном кармане рядом с комсомольским билетом. Слишком пристально изучать его не пробовал, и так у жены подозрения. В общем, здравствуй лейтенант ВВС РККА Иван Бутаков! Счастливой службы и долгих лет семейной жизни!

Ваняткина душа пошевелилась и снова уютно засопела под черепом. Под моим теперь черепом!

Мадам Бутакова убедилась, что документ на месте. Стараясь не таращиться, осмотрел её, насколько позволила длинная полотняная рубашка. Каюсь, в первый момент не разглядел даже – сразу в койку уволок, заподозрив в принадлежности к женскому полу.

На вид как и на ощупь – полненькая, мягкая, с большой низкой грудью. Длинные тёмные волосы распущены по случаю ночного времени. Глаза круглые, глупые, но очень добрые, пухлый ротик приоткрыт, показывая белоснежные неровные зубки.

Я обнял иванову жену и прошёл в спальню.

– Расскажи что-нибудь.

– Что?

Женщина явно удивилась вопросу. Ах, да, красный военлёт. Разговоры дома только об удали молодецкой либо всех порвём на радость товарищу Сталину. Терпите, дамочка, нет большей чести в СССР, чем при крылатом муже быть. Полгорода таких как ты мечтает о соколе. Выгонишь – мигом подберут.

– Расскажи, как мы познакомились.

– Ты не помнишь?!

– Разве можно забыть! Но так давно об этом не говорили. Начинай! Как будто лучшей подруге, а она вообще ничего не знает.

– Ва-ань, что с тобой? Верно, и правда головой о порожек приложился. Вон гузак какой на макушке вырос.

– Фуражкой прикрою. Ну, говори...

Мы проболтали до утра. Понятно, что мне оставалось лишь поддакивать. Женщине впервые за годы удалось потрещать всласть. Здесь даже с девчонками на хлебозаводе не очень-то посекретничаешь – жена военлёта должна хранить гордое и возвышенное молчание. А то вдруг тайну военную раскроет, случайно мужем обрonnenную... Например, о дефиците портянок в авиационной бригаде, и враг тут как тут, подслушивает.

Монолог незаметно превратился в ласки, и меня снова коснулся крылом отблеск Божьей Благодати. Спасибо тебе, Создатель, за правильное использование адамова ребра!

Она убежала на работу к семи, не выспавшаяся, но вполне довольная проведённой ночью, а во мне прорезался Ванятка. Пусть его. Денёк-другой поживу пассажиром и зрителем, при-смотрим к хому советикусу в привычной ему среде, а не в посмертной исправительно-трудо-вой зоне.

Комсомолец привычно выругался, натянул галифе. При свете дня обнаружилось пятно на коленке – явный результат вынужденной посадки по пути к дому. Он намотал портянки, обулся и вывалился во двор, указав мне дорогу в отхожее место на будущее. При рассеянном солнечном свете через широкие щели между досками я, наконец, рассмотрел нашего дружка, демонстрирующего утренний подъём по стойке «смирно», наплевав на бурную ночь.

Сукин ты сын, Ванятка. Я, конечно, не доктор, но круглая белая язвочка мне решительно не понравилась. Вселение демона из преисподней чрезвычайно ускоряет регенерацию и избавление от инфекций, военлёт быстро вылечится. А скольких дурочек кроме жены успел наградить сифилисом, пьянь ты и развратник?

Он несколько реабилитировался в моих глазах, скупив первую утреннюю папиросу. Не такая радость, как с его женой, но близко...

Красный сокол машинально хлебнул рассолу, дивясь отсутствию похмелья, склевал завтрак и привёл себя в относительно строевой вид. Острая опасная бритва у горла в слегка дрожащих руках удалила щетину, украсив небольшим порезом. Владелец шанкра залепил кожу обрывком газеты, навесил кобуру с ТТ и решительно двинул на службу, повстречав по пути соседа.

Так! Коллегу зовут Степан Фролов, старший лейтенант. Протрезвевшая и проснувшаяся память донора-реципиента начала потихоньку открываться.

На широкой физиономии лётчика, покрытой веснушками, застыло неприятное выражение, соответствующее состоянию «после вчерашнего». А-га... Тоже любитель приложиться, не такой, естественно, как моё недоразумение, но тоже не промах. Стало быть, всё своё несчастье, обоих горе-воjak, начальство поселило вместе. Сосед хмуру мазнул взглядом по лицу Бутакова, поправил фуражку на рыжих вихрах и отвернулся.

Скорым шагом двое военных промаршировали по пыльной улице меж бревенчатых одноэтажных домишек. Деревня? Окраина города Бобруйска, услужливо выскользнула подсказка из глубин ваяткиной души. Конечно, не Рим и не Иерусалим. Не скрою – разочарован. Наслушался о красотах Москвы и Ленинграда, надеялся усладить взор городскими красотами... Отставить! Пусть будет Бобруйск.

С лёгкой руки государей Романовых и дореволюционной черты оседлости здесь сохранился особый колорит. Из открытых окошек доносится крепкий чесночный дух, а местечковые красавы в большинстве своём отличаются загадочным разрезом волнующе тёмных глаз.

Кстати, девушек-то видимо-невидимо! Словно специально высыпали к проходу завидных армейских парней, даром что женатых. Кто смотрит откровенно призывно, окликают-здороваются, некоторые украдкой, но тоже недвусмысленно. Пять или семь как старым знакомым. Женское внимание приободрило соседа.

– Хороша Фаня, – поделился наблюдением Стёпа. – Мужа у неё забрали, хата свободная, гуляй – не хочу.

– Сдурел? – осадил его мой лейтенант. – С женой врага народа? Или вредителя там. До бригадного комиссара слух докатится...

– Ты сам хорош. Зачем у особиста тёлку увёл? С тобой любая пойдёт.

– А с ним – только под дулом «Нагана», – военлёты радостно заржали.

– Слуш, а что мы вчера пили? – Ванятка сдвинул фуражку вперёд, зашипев от боли в шишке. – Вроде не похмельный, а под куполом как муравьи шевелятся. Словно какое-то чужое там поселилось.

– Бывает, – заметил опытный Степан. – Кончал бы, сосед. А то до чертей и голосов допьёшься. Вот, в субботу кубари комэска отметим – и в завязку.

Там новое звание получит штурман бригады, начальник штаба и старший погонщик бригадной кобылы. Я одёрнул себя – нечего выпендриваться. Демона из преисподней способна принять только очень грешная душа. Так что вселился в наихудший человеческий материал. Загадал – Красная армия, офицерское звание, западный регион, всё сбылось. А уж тело и обретающую в нём душу первого владельца перевоспитывай как получится, не жалуясь, что самого скверного бойца из воинской части, если не из всех вооружённых сил, придётся перековать в образцовую машину по уничтожению нацистов.

– Вот опять! – крикнул воин и в расстройстве чувств снова закурил.

Ладно, постараюсь думать потише. Пусть ведёт себя привычно и адекватно.

На аэродроме жадно впитал увиденное через поле зрения Бутакова. Невольно проводил взглядом два крылатых силуэта, промелькнувших над лесом на фоне яркой синевы.

Бутаков потёр шею. За лобной костью шевельнулось печальное размышление: прав сосед, надо уходить в завязку, голова уже сама дёргается.

Он не слишком интересовался, здесь всё знакомо до мелочей: деревянный штаб с небольшой башенкой наблюдения за полётами, казармы аэродромной obsługi и несемейных командиров, столовка, неменные классы для политических и иных занятий. Странное подобие флага на длинной жердине, едва шевелящееся на слабом ветру. А, это для определения его направления. Рядок самолётов-истребителей Ванятка проигнорировал – эка невидаль.

Так, стараясь не слишком смущать лейтенанта, я к вечеру с большего уяснил расклад. В сухом остатке мой сталинский сокол – позор бобруйской авиации, и терпят его лишь из-за того, что он охотно собирает комсомольские взносы да громким голосом зачитывает передовицы на собраниях. Он два года в армии и скоро получит старшого, то есть третий кубик в петлицу. Жена, её зовут Лиза, непременно обрадуется кубику и огорчится бесчувственному по такому случаю телу. Степан, хоть и не кладёзь талантов, на фоне моего комсорга считается перспективным пилотом. Почему? Разберёмся.

Ванятка в училище летал на У-2, затем целых часа четыре на «почти настоящем» истребителе И-5. Здесь в Бобруйске освоил новейший биплан И-15, на нём за прошлый год провёл в воздухе аж двадцать странных часов, коих вроде бы и не было. К маю нынешнего – ни минуты. Я служу в авиации первый день и то догадываюсь: этого мало. Чтобы научиться плавать, нужно плавать, чтобы летать... Ну, понятно что.

В отсутствие полётов, то есть практически всё оставшееся время, красные командиры несут другую военную службу. Каждый день политзанятия, чуть реже – комсомольские и партийные собрания. Изучение матчасти – тоже интенсивно. Лётчики получают секретную книжку и секретные же тетради, в которые переписали содержание секретной книжки. С этим таинственным багажом они идут к стоянкам, где в моторе И-15 колуваются механики. Ну, как колуваются. Капот открыт, руки в масле. Кто сознательный, тот сам не брезгует схватиться за гаечный ключ. Ваня обычно пристраивается под нижнее крыло или под чистым небом, там давит на массу до следующего построения или политзанятий.

В первые же сутки пребывания в Советском Союзе мне повезло увидеть тактические учения авиаторов. Эскадрилья в три звена выстроилась на поле.

– Контакт!

– Есть контакт! – крикнул Ванятка и начал громко бормотать «бр-бр-бр», изображая звук мотора.

Мы налетали добрый час, пока не вспотели. Руки онемели, попробуй подержать их долго наподобие крыльев. Увлекательное и чрезвычайно полезное с точки зрения физподготовки занятие – под крики комэска закладывать виражи, разбиваться на звенья, снова возвращаться в единый строй. Интересно, в воздухе он также собирается вопить?

Особенно радуют вертикальные маневры. При «наборе высоты» пилоты бегут, приподнимаясь на цыпочках, «снижаются» на полусогнутых. Наконец, спикировали в траву и отдышались. Забавно. А когда это в воздухе повторим?

Часов в семь вечера Бутаков с Фроловым отправились домой. Старлей, утром заявивший, что с алкоголем и гулянками пора закругляться, предложил заглянуть к Фаине.

– Подружку привести обещала, точно говорю.

«Домой!» – рявкнул я прямо в лобную кость блудливому Ванятке. Тот чуть с копыт не слетел. Но послушался.

– Извиняй, Стёпа... После вчерашнего ещё не выветрилось. И вправду отдохну денёк. Лады?

– Дело твоё, – удивился тот. – Моя забежит – скажешь: задержали на службе.

Фролов решительно двинул к дому, оставшемуся без хозяина. Улица просматривается из конца в конец, конспирации никакой. Степанова жена давно смирилась. Лишь бы потом возвращался на основной аэродром, иначе придётся скандалить по партийной части.

Надо сказать, что политзанятия да партийные собрания идут по одному сценарию. Сначала про сложное международное положение, происки буржуазии и генеральную линию ВКП(б). Потом про главные беды авиации – аварийность, пьянство и бытовое разложение, когда все взгляды поворачиваются к Ивану и Степану, живым воплощениям двух последних грехов.

И с этой стартовой точки в теле исключительного лётчика-неумехи я должен нанести ущерб нацистскому Рейху, иначе белообрый небожитель устроит мне настоящий ад в преисподней? Может, вернуться и сразу сдаться? Хотя высшую не впаяют. Но здесь чистое небо и мягкие, приветливые прелести Лизы, её я как порядочный человек... ну, почти человек, обязан хотя бы вылечить от сифилиса.

Мы с соколом, оставшись одни, то есть вдвоём в одном теле, вышли на глиссаду прямиком к калитке по месту прописки. Боюсь, не скоро научусь ориентироваться в этом «я» и «мы» – совместное проживание двух душ противоречит логике и жизненному опыту, даже загробному.

Иван, обеспокоенный «муравьями» в голове, проигнорировал взгляды бобруйских дамочек, обстрелявших лётчика почище зенитных пушек. Дражайшая встретила супруга, всплеснув руками. Ещё бы, муж давно не приходил столь рано.

Лизавета загремела горшками и сковородой, мельтеша между русской печью и неровным кухонным столом. Пара лавок, буфет, зеркало и ходики на стене – всё убранство этой половины квартиры. Во второй комнате, насколько запомнилось утром, расположилась широкая кровать с высокими железными спинками, упирающаяся в деревянный гроб, по-старинке величаемый «шкапом», сбоку приставлены пара сундков и колченогий столик, прибита неременная полочка с «Манифестом Коммунистической партии» и «Уставом ВЛКСМ». Ах да, в красном угле, где раньше помещалась икона, строго улыбается Сталин, вырезанный из газетной переплётки и наклеенный на картонку. Его суровые кавказские глазки подсматривают за постелью. Ей Богу, не понимаю, зачем вешать портрет вождя в столь двусмысленном положении.

За стенкой, в апартаментах Степана, возятся дети, шумновато и разбросаны игрушки. В остальном другая половина служебного дома не слишком отличается.

Супруга соорудила ужин. По всем прикидкам, не так давно со своего хлебозавода вернулась. Что-то хлопочет, рассказывает, а Ванятка примолк. Муравьи в котелке досаждают, голубь сизокрылый? Скоро они тебе размером со слона покажутся.

– Пройдусь, Лизавета. Жди, я не долго.

Женщина покорно вздохнула. Не долго – значит до заступления на службу домой забежит. В лучшем случае. Кобель неугомонный... Упрёк на лице невооружённым глазом виден, а вслух ни-ни. Давно было, но, по-моему, такими безгласными в моё время только рабыни оставались. А, вот ещё что – детей у Бутаковых не случилось. Как родит, так и почувствует себя в полном праве Ванятку за чуб тягать. Но второй год живут и никак.

Река Березина ниже по течению от Бобруйска чудо как хороша. Широка, но не Днепр на Украине, который уж слишком велик. Особенно над Днепрогэсом, целое море. По крайней мере, по воспоминаниям моего носителя.

Военлёт присел на корягу и закурил неторопливо. Если честно – какой он военлёт? Военход! Специалист по манёврам «пеший по-самолётному». Другие летают, а мой... Хоть бы в танкисты меня угораздило. Да и там, боюсь, не лучше бы экземпляр попался.

«Будем знакомиться, Иван Прокофьевич».

Тот чуть с коряги не слетел, аж фуражку уронил.

– Кто здесь?!

«Ванятка! Стряхни бычок со штанины, прогорит галифе».

Он машинально смахнул. Правильно, береги штаны, они теперь не твои – наши.

– Ты где?

«У тебя в голове. И не ори так, вон пионеры идут, с удочками. Распугаешь».

– Кто ты? Белая горячка? – чуть потише спросил. С учётом реалий он выказал вполне здравую оценку ситуации.

«Люблю комсомольцев за материалистический подход. Но тут, увы, не катит. До белочки ты не допился, организм молодой, сильный, сопротивляется пока».

Он снова сунул «беломорину» в пасть. Дурацкая привычка. После первой утренней папиросы никакой радости. Могу разом его отучить, но не хочу выделяться среди красных командиров, дымящих поголовно.

«Слышал средневековые сказки о людях, одолеваемых бесами? Твой случай».

– Х...ня какая-то, – вежливо парировал Ванятка. – Сам говоришь, сказки.

«Давай не привлекать внимания, ладно? Матюгаешься при пионерах. Просто чётко думай, я твои мысли слышу».

«Все? И... эти?»

Ну да, я теперь знаю срамные и постыдные тайны партнёра. Что и не стал от него скрывать.

Лейтенант подпрыгнул как ужаленный.

«Хорошо, что не можешь никому рассказать».

Ах ты мой самоуверенный. Мало квартиранта в голове, узнай теперь следующую тайну – кто в домике главный. Пионеры прошли уже, но обернулись, когда краса и гордость РККА – сталинский сокол – начал плясать и напевать «айн-цвай-драй, фрау-мадам». Я им подмигнул, самодеятельность, мол, приходите в клуб, и те радостно повалили дальше.

«Ты германский шпиён! Влез в голову красного командира и теперь секреты выведываешь? Не бывать такому».

«Будь я шпионом, лучше бы кого-то из баб твоих вербанул. Ты по пьянке и так любые секреты выбалтываешь. Пол-улицы знает количество самолётов и лётчиков в бригаде. В смысле – женская половина. Как насосёшься, совсем болтовню не удерживаешь».

«Даже не стесняешься, буржуйская морда!»

«Осторожнее, напарник. Морда у нас одна на двоих. И болт, кстати, тоже. Заметил шанкр на нём? Точно не уверен, но, по-моему, это сифилис. Небось, и Лизу уже наградил, и кучу подружек».

Комсомолец примолк. В бурном ворохе мыслей, мешанины голых задниц, нагих грудей и влажных распущенных волос я не смог выделить ничего конкретного. Потом одно из женских лиц, довольно некрасивое, перекрыло остальной женский секс-батальон.

«Нинка-буфетчица в Ростове. Точно она, с-сука!»

«Тебя кто-то заставлял трахать буфетчиц и прочую сферу обслуживания населения? Получается – Нинка виновата, а не распутный образ жизни?»

Ванятка заскучал. Потом выдал очередную глупость.

«Всё равно, завтра в лазарет сдаваться. Заодно к мозгоправу надо. Про голос в голове. Вылечат. Жалко – с авиации точно спишут».

«Эй, касатик! Про списание из ВВС не смей и думать. Иначе как мы буржуйскую гадину одолеем?»

Живое удивление, надежда, недоверие, переходящее в глубокий скепсис.

«Хочешь сказать, что ты – не германский шпион?»

«Ну, это было только твоё предположение. Сказано тебе – бес вселился. Я и есть тот самый бес. Обещаю веселье».

Он бы обхватил голову руками. Но моя воля, девятнадцативекового существа из преисподней, неизмеримо мощнее. Ладони опустились вниз. Его сковал ужас бессилия.

«Выходит – к батюшке надо? Я же член ВЛКСМ, председатель первичной комсомольской ячейки! Мне не положено...»

«Не поможет батюшка. Раньше были такие умельцы, назывались экзорцисты. Они приблудную нечисть изгоняли. Только я не случайно к тебе попал, а с миссией».

«Чем же я так знатен?»

«Прости, неточно выразился. Именно в нужный момент ты, законченный грешник, пьяница, враль и изменщик без креста на теле, сказал: дьявол меня заberi. Нам, скромным агентам загробного мира, красный командир аккурат и понадобился. Поэтому моё появление в Союзе – на то высшая воля и специальная миссия. А что именно в тебя влетел, виноваты несправедная жизнь и твой длинный язык».

Ну, и стечение обстоятельств. Ровно также эсесовские уроды из Анэнербе могли прихватить любого из сотен тысяч других тружеников преисподней, забывших обвеситься амулетом.

«Твою мать...»

«Моя не причём. А твоя явно недоработала в воспитании. Стоп, ты же детдомовский? Извини. Буду тебе родной матерью, подвоспитаю грешника. Поверь, отрабатывать грехи в загробной карьере куда неприятнее».

Я поднялся, растоптал тлеющий бычок и неторопливо пошагал домой, не возвращая бразды правления председателю первичной ячейки. Он примолк, потом робко спросил:

«Выходит, рай и ад взаправду есть? Комсомолец не может в это поверить. Товарищ Карл Маркс говорил...»

«Знаю, видел товарища. Был на экскурсии в зоне для особо одарённых. Отвечаю на вопрос: нет ни рая, ни ада в библейском понимании. Это одно и то же. Людей не бывает безгрешных. Поэтому на пути к Божьей Благодати всем приходится грехи отрабатывать, тяжким трудом и умерщвлением плоти, попросту – мучительными истязаниями. Редко кому достаточно проникновенных бесед, и добро пожаловать к Высшему Престолу. Тебе, грешнику мерзкому но мелкому, лет двести хватит за глаза. Отъявленных злодеев превращают в охрану преисподней. Мы пытаем грешников, а сами получаем ещё более мучительную боль. Если бросаем обязанности – нутро разгрызает просто нестерпимо. Моим начальникам мало показалось, отправили сюда с германцами воевать. Врубашешься?»

Ванятка утонул, погребённый лавиной непривычных сведений. Перед самой калиткой пискнул:

«Сколько же тебе валили?»

«Две тысячи без права условно-досрочного, там – как сложится. Вероятно, три потяну. Марксу и не снилось. Только не допытывайся за что. Не люблю рассказывать».

Глава 4

Глава четвёртая. Метаморфозы красного сокола

Бесам тоже требуется отдых. Душа у нас в основе и по сути человечья. Вернувшись в страну победившего социализма около пяти утра, я обнаружил зарёванную Лизу. Её глаз украсил фингал, быстро набирающий лиловый цвет. Стряхнув активного комсомольца с рычагов управления, сурово спросил его:

«Что стряслось?»

«Спрашиваешь ещё?! А кто трахал мою жену позапрошлой ночью? Пушкин?»

«Вообще-то ты».

«Я в отключке был!» – обиженно отрезал сожитель.

«Предпочитаешь, чтобы она спала не с мужем, а с другим сталинским соколом?»

«С мужем!! Но когда я – это я, а не ты! Понял?»

Что уж не понять.

– Дорогая Елизавета Фёдоровна, прошу извинить, что в приступе ревности, доводящей до глупости, я позволил себе руки распустить.

Она кинулась мне на шею.

– Ничего-ничего. У нас говорят: бьёт – значит любит. И про сифилис... Тоже ничего страшного. Сегодня же схожу, анализы сдам.

Интересно, доктор не распространяется о пациентах? Пусть на просторах бывшей Российской Империи к пьющим согражданам люди относятся с философской терпеливостью, то венерическое заболевание – редкость и настоящий позор. И для Вани, и для его жены.

Если у неё помыслы чисты как и слова, в преисподней точно не задержится. Урод ты, Иван. Да, внешне наша Лизочка не ахти, вдаль по улице парочка местных евреек поярче будет. Но любит, терпит, ждёт. Сам, наконец, её выбрал, не бегала к комсorghу, размахивая круглым животом. Объяснял же тебе, дурошлëпу, что от грехов срок в преисподней растёт. Очень долгий и мучительный срок, мне ли не знать. А через сколько-то лет начинаешь вдруг понимать, что дело не в истязаниях. Зло, сотворённое на земле, лучше не оставлять за собой, независимо от меры наказания за него. Попробуй вмототи эту истину в сознание красного сокола!

С трудом побрился, весь изрезался... Теперь – всё только сам. Нужно к телу привыкнуть, даже к бытовым манипуляциям. Простецкая Иванова морда глянула из зеркала, обклеенная мелкими бумажками. Будь моя воля, отпустил бы бороду.

Проводив Лизу на работу, перекусил. Старается, суженная, завтрак отменный, и командиру эскадрильи такое трескать не зазорно: мясо, яичница, творог, свежее молоко в крынке. Похоже, до моего вселения сокола так не баловали. О-па, что это у нас, Ванятка?

«Командиру 2 эскадрильи 12 авиабригады майору Подгорцеву.

Рапорт

Прошу принять во внимание, что во мне поселился иностранный шпион, сообщающий клеветнические наветы на дорогого товарища Карла Маркса. Этот шпион совершает разврат в отношении моей законной супруги Елизаветы Бутаковой, пользуясь моим отдыхающим состоянием. Прошу принять меры, так как без помощи командования справиться не могу.

Лейтенант Бутаков».

«Мудаков ты! – взревело под черепом нашего общежития, где автор эпистолярного шедевра сжался в комочек меньше булавочной головки. – В психушку захотел? Сидеть в углу и не дёргаться!»

Я изорвал бумажку в клочки, потом заржал. Есть же нехитрые способы стреножить аборигена этого тела или как минимум получать сигнал, ежели тот вздумает чудить во время

отдыха главного сознания. А красный индивид ещё до вчерашнего вечера верил в отсутствие загробной жизни с посмертным воздаянием за грехи! Что я жду от него после единственной воспитательной беседы?

Встреченный на улице Фролов как-то странно и не по-строевому ставит ноги.

– Что, Стёпа, приключения?

– Нет, Вань... Вчера не обломилось. А утром как прихватило!

То есть воздаяние порой нагоняет при жизни. Но не все делают правильные выводы.

Перевоспитание Ивана началось без согласия с его стороны. К огорчению комсорга, на пьянстве и походах по бабам поставлен жирный крест. Повышенное служебное рвение, прорезавшееся неведомо откуда, настолько поразило сослуживцев, что они хором заключили: на почве хронического недопереживания у военлёта съехала крыша.

Мы с Ваняткой стали уж очень часто слышать унижающее слово «Мудаков». А как на занятиях по матчасти я замучил механика вопросами да сам забрался в пилотское кресло, меня натурально принялись опасаться. Разговоры заводят – тебе же раньше пофиг было, чо стряслось?

Видели бы они, как физкультурой занимаюсь на высоком пригорке у Березины. За тысячу лет со всякими зэгами сталкивался, многие на меня кидались, забивали до смерти... Практически. Иллюзорное тело нельзя убить, как и бессмертную душу, но пробовали и часто. Я учился отвечать, да и перед гибелью кое-что умел, правда – больше мечом или копьём. Понятное дело, не собираюсь боксировать крепкими кулачками с гитлеровской армией, да и сложение не то, мелковатое. Ванятка ростом метр шестьдесят пять, худ, в кости широк, лицом кругл и волосами рус, совершенно не похож на былинного витязя.

Мордобой чем хорош – координации движений учит. Особенно, когда много на одного, как часто на зоне бывает. Здесь упражнения позволили окончательно приспособиться к новому мелкому телу.

В преисподней каждый удар по врагу отдаётся болью в собственном теле. За девятнадцать веков боль стала частью меня, привычным ощущением. Но привычность не влечёт безразличия. Когда раскалённый гвоздь вновь втыкается в загноившуюся рану, мучение ничуть не меньше. Заслужил? Заслужил! Терпи...

Здесь – легче. Неведомая ипостась Создателя, диктующая законы игры, избавила меня от пыток в Бобруйске. И тем самым ввела в соблазн. Подольше пожить бы, милуюсь с Лизой, не страдая ежеминутно, вдыхая запах трав и, чёрт с ним, авиационного бензина... Нельзя поддаваться соблазну! Мне ли не знать. Поэтому – скорее на врага, который пока не нарисовался на горизонте.

А до этого нужно победить в другой борьбе, не столь кровавой, как с Гитлером, но не менее сложной.

– Товарищ майор, разрешите обратиться. У меня в этом году ни единого взлёта. Навыки теряю.

Грузный седой ветеран Гражданской войны бросил бычок на зелёную траву аэродрома. В его взгляде мелькнула смесь печали и раздражения.

– Навыки, лейтенант? Над твоей единственной посадкой вся бригада ржала.

– Да как же иначе? Не летаю вообще, товарищ майор.

– Иначе – просто. Заполняй лётную книжку, подмахну. Аэродромные топливо спишут. Считаю, налетал двадцать годовых. Безаварийно, мать твою. Зато жив останешься.

Я включил дурака.

– Разрешите отказаться от приписок и очковтирательства, товарищ майор. Если завтра война, если завтра в поход, а я летать не умею? Как в глаза товарищу Сталину посмотреть, если он меня спросит?

– Нужен ты ему, Мудаков... – начал было комэск, но вовремя спохватился. Слова про приписки и очковительство находятся рядом с широким понятием «вредительство», отлично сочетающимся с географическими координатами Колымы. – Ну, пеняй на себя. Если аварию устроишь, разбивайся уж насмерть. Приказываю – на следующей неделе пройти проверку знаний по матчасти, пилотированию и штурманскому делу. Сдашь, допущу к полётам. Или вообще вышвырну из авиации, понял?

– Так точно! Спасибо, товарищ майор!

Тело привычно козырнуло. Уж к этому оно хорошо приучено. Строевая подготовка – не полёты на истребителе, здесь головой думать нужно. А когда мозги свободны от шагистики, можно загрузить их приготовлениями к зачёту.

«Иван Прокофьевич, помогай. Чем прямой и обратный боевой разворот отличается от других фигур высшего пилотажа? Почему нельзя превышать максимально разрешённую скорость пикирования? Почему мотор чихает при отрицательной перегрузке? Как устроен синхронизатор пулемёта?»

Выдоив из памяти пассажира впечатления о немногих попытках взлёта на И-15, решил не давать ему управление. То, что он умел, я впитал. Знаю раз в десять больше. Телом владею. Жаль, в полку нет двухместных машин, только У-2. Но Бутаков – комсорг, идеологический светоч, вроде как позорно ему туда пересаживаться.

В день проверки теоретических знаний отдельно взятого и особо талантливого лётчика, проявившего несвоевременную инициативу, майор Подгорцев созвал целую комиссию. Вопросы на матчасть и теорию полётов начались традиционно: когда стряслась Парижская Коммуна, в честь какой такой радости товарищ Сталин написал про «Головокружение от успехов», почему гниющему империализму суждено пасть под ударами мирового пролетариата и т.д. Ах да, спросили об элеронах и проверке уровня масла, но это уже под конец и не акцентируя внимания – никто не верил, что пешеходный лётчик запомнил столь мудрёные слова.

Я вывалился из ленинской комнаты, избавившись от пронизывающих взглядов с портретов Маркса и Ленина, а также вполне живых взоров членов комиссии. Пятая точка нашла место на скамейке у стенки штаба, военлётые эскадрильи окружили с традиционным «ну как?», бронхи заполнил привычный табачный дым.

Внутри начался допрос.

«Не пойму, ты правда бес или германский шпион?»

«Ну-ну, развивай мысль».

«Только германские шпионы могут выучить матчасть И-15».

«И советские военлётые, не желающие разбиться на истребителе. Даже Стёпа рядом с тобой – ходячая энциклопедия».

«Значит – бес. Дьявол, чёрт, демон...»

«Вроде того. У нас в табеле о рангах другие названия. Примерно соответствую сержанту госбезопасности или лейтенанту РККА. Пусть для простоты будет демон».

«Честно?»

«Вот те крест! Смеюсь. Хотя могу надеть распятие и облиться святой водой. Без проблем».

«Почему? Попы – они всем враги. Нам, марксистам, потому что религия – опиум для народа. И вам, адской нечисти».

«Ванятка, ты в этом разбираешься ещё хуже, чем в авиации. Религия, как бы ни расходились во мнениях церковники в описании загробного мира, говорит – не убий, не укради, не прелюбодействуй. Если бы крестик носил, это – символ, что ты хоть раз в жизни задумался о заповедях. И меня бы закинуло к другой душе».

«Надоело...»

«Да на здоровье! Сейчас отправлю тебя в преисподнюю и сам здесь дела дорешаю».

«А что... там?»

«Сначала получаешь кусочек Божьей Благодати. Это словами не описать, хоть и попробую. Невыразимый, безмерный, возвышенный восторг, в нём все светлые радости мира, чище и сильнее его не придумать. Но только на секунду, чтобы запомнить, чего лишён. Вместо Благодати получаешь страдания, пока не осознаешь и не искупишь грехи. Наконец, тебя забирают белые».

«Ангелы?»

«Вроде того. Дальше не знаю. Пути Господни неисповедимы».

«Страданий я пока не хочу. Лучше уж здесь, пусть зрителем. Ладно?»

«Подавись. Наберёшься терпения, я выполню миссию и свалю».

«Старый буду!»

«Не трынди. Видел, как я мигом сифилис залечил? Алкогольную зависимость убрал, курил три папиросы в день, а не две пачки. Так что спасибо скажешь, герой-военлёт. Лиза проверилась, слава Создателю, не успел её ничем наградить, кобелина. Не заработал себе лишние годы там, где неуютно».

«Помолчал бы, моралист рогатый. Сам говорил – мои грехи на сто пятьдесят или двести лет тянут, тебя на тысячи упекли».

Эту дурость он произнёс уже вечером, когда я протопал полдороги домой. Аккурат плотные кусты сирени на обочине. Влез в них, словно по нужде, и р-раз себе по морде. Мне больно не меньше, но сам готов был, а комсомолец – нет.

«Ой, блин!...»

«Продолжить? Мне тоже хреново, но привычно».

Лупанул по второй щеке. Иисус велел вторую подставлять.

«Не надо!»

«А ты думай, что говоришь. В смысле – думаешь вслух. Ну, понятно».

Он въехал и заткнулся. Есть и более жёсткие методы, когда в роли хозяина положения вертухай с мафусаиловой выслугой лет. Но Ванятка – свой. С него достаточно. И так обижен судьбой, а также собственной нерадивостью.

В каждой бригаде может найтись подобный Бутакову пешеходный лётчик, которого начальство прикрывает до последнего, отыскивая любую зацепку, что убрать из части или вообще отстранить от неба на всю оставшуюся жизнь. Служить рядом с таким скверно, тяжелее всего иметь пешехода в подчинении. С шумом и треском выгнать нельзя. У командиров эскадрильи и отряда спросят: отчего год терпели, лётные часы приписывали? Где классовая бдительность, красноармейская требовательность? Лучше пусть взносы собирает, к приезду начальства можно руку забинтовать – доклад Сталина прочтёт по бумажке, а в небо ни-ни.

Вдруг как на грех убогий взаправду решил полетать. Сволочь!

Я постепенно вник в премудрости взаимоотношений в Красной армии. Частично помог Бутаков, но о многом он не задумывался, пришлось доходить самому. Его, например, ничуть не волнует репутация неспособного к полётам. Он мечтает о карьере комиссара, рассчитывая со временем стать политкомандиром над Подгорцевым и прочими летунами. Точнее – мечтал, моё вмешательство резко изменило его будущее.

В мозгах военлёта бурлит жуткая смесь агитационных лозунгов и мешанской глупости. Он действительно готов отдать жизнь за Сталина и победу коммунистической революции во всём мире, но не горит восторгом от предстоящих воздушных экзерсисов. Перспективные планы сводятся к вещам вполне прозаическим – вместо половинки избы получить отдельную хату, вырасти до майора, купить патефон. Ванятка не скрывал от сослуживцев, каков у него предел мечтаний, и соколы давно привыкли воспринимать его таким как есть – не хочешь и не умеешь летать, тогда читай политинформации и откладывай на патефон, только не спейся раньше времени. Поэтому громогласно объявленное решение стать реальным, а не бумажным

лётчиком, помноженное на необычайно трезвый образ жизни, в эскадрилье сочли неадекватом. Русские и живущие рядом с ними обрусевшие народы изучили воздействие алкоголя в совершенстве. Они знают, что резкий отказ от спиртного бьёт по мозгам хуже кувалды. А что может быть страшнее спятившего пилота в кабине боевого самолёта?

От соседки, которой проболтался Степан, Лизавета услышала, что мне вдруг приспичило в воздух. Теперь каждый вечер ждёт меня с тревогой. Бабе нужен такой вот сокол – с голубыми петлицами, но не рискующий понапрасну. Обтекатель, на лётном жаргоне, то есть герой из ВВС, прохлаждающийся на земле. Лучше быть женой летающего на бумаге, чем вдовой героя. Тем более муж последний месяц стал непривычно ласков и охоч до ночной любви, о подозрениях в походах к бл..., в смысле – соседкам, и речи нет. Хорошо – аж страшно! Каждое утро ловлю её вопросительный взгляд. Вдруг всё как прежде, кулаком в глаз, перегар на гектар, да гимнастёрка изваляна в чужих длинных волосах.

Однажды призналась мне, что лучше пахнуть стал. Оказывается, Ванятка любил по флакону одеколона на голову лить. И фасонно, и запахи чужих баб перебивает, ежели прилипли. Мне не актуально. Другое заботит – в воздух выпустят или опять «пеший по самолётному»?

Глава 5

Глава пятая. Самолётный по пешему

Истребитель И-15 конструкции Поликарпова с точки зрения обитателя преисподней – нечто запредельно заумное и невероятно хлипкое. Ну да, в загробном мире техники нет, только имитация для испуга грешников.

Я напряг знания полузабытой прежней жизни, опыт которой попытался вытащить из далёких подвалов разума. В библейские времена верхом совершенства были корабли, деревянные сооружения метров двадцать пять с носа до кормы, с одной мачтой и рядами вёсел по бортам.

Галеры производили впечатление солидности и основательности. Самолётник, тоже выпиленный из древесины, трепещет при лёгком порыве ветра. Вместо досок и брёвен здесь всего-навсего реечный каркас для полотна. Металлическими выполнены лишь двигатель, моторама, стойки шасси и всякая мелочь вроде тяг к органам управления и тонких проволочек, соединяющих верхнее крыло с нижним. При запуске движка тряпично-реечная конструкция начинает ходить ходуном и буквально грозит развалиться.

Знаю, в Мировую войну сражались на ещё более субтильных аэропланах. И также в курсе, что от неисправностей и ошибок пилотов загублено душ и разломано машин несравнимо больше, нежели от пуль и снарядов врага. Войны давно нет, а каждую неделю зачитывают очередной циркуляр о снижении аварийности и приводят свежие примеры. Вот, в какой-то бригаде траву покрасили в нежный зелёный цвет к приезду начальства вместо того чтобы скосить её. Она забила между колесом и обтекателем шасси, отчего аэроплан развернуло и перевернуло на пробежке. Думаете, здесь хотя бы траву выкосили? Нет, порадовались, что у наших И-15 нет обтекателя шасси.

Почему-то в этой странной машинке мне понравился изгиб верхнего крыла, за него И-15 прозвали «Чайкой». Закреплённый за мной истребитель, год простоявший на земле, художественно создан для неба. Облазив ястребка и выучив до последнего винтика, я поклялся, что скорее угоню птичку, чем позволю ей бесцельно сгнить.

За день до первого вылета мой техник Шинкаренко опасливо запустил мотор. Ещё американский, «Райт-Циклон». Плохо, что ресурса мало, и запчастей к нему – пшик. Я прокатился по полю, слушая вибрацию фюзеляжа. Приказал поменять свечи зажигания и снова проверить натяжение расчалок.

На следующее утро Подгорцев лично заявился в палатку нашего эскулапа и огорчённо шевельнул усами. Мы с Ванюшей здоровы на двести процентов и очень даже годны к полёту.

– Не передумал?

– Никак нет, товарищ майор! Это – мой воинский долг.

– Тогда слушай... – ветеран ВВС посмотрел долго и грустно. Примерно так: откуда ты на мою голову взялся, а вроде как раньше сидел под лавкой, бухал и не отсвечивал. – Взлетаешь вторым. Держись метрах в ста, не ближе, но и не теряй. Идём по кругу. На последнем развороте отпустишь меня метров на двести. Не то на полосе рубанёшь винтом по хвосту. Понял?

– Так точно, товарищ майор!

В баке топлива минут на сорок, ежели грохнусь, чтоб быстрее выгорело. Пулемёты ПВ-1 пустые, воевать не с кем. Ну, хоть так.

Впервые за два месяца я надел лётную форму не для показухи. Шлем, парашют. Планшетка с картой, совершенно не нужной, если отправляюсь недалеко и ведомым. Но за утерянную карту строго спросят, не меньше, чем за разбитый самолёт. Схема Бобруйска и окрестных колхозов – зело секретная вещь.

Ну вот, за что боролись. Мотор лопочет на средних оборотах, ветер шелестит в крыльях, подкосах, расчалках, разбиваясь о прозрачный козырёк кабины, за которым весь из себя такой красный военлёт, впрочем, слегка побледневший от волнения. Вырулил за Подгорцевым, стал метрах в сорока и боком. Если прямо на него повернуть – выпущу из поля зрения. У «Чайки» впереди видно только чистое небо поверх задранного капота. Наконец, у командирской машины пыхнули по бортам дымные струйки, покатила вперёд зелёная птичка.

«Не трусишь, Ванятка?»

«Сам бы пилотировал, было б спокойнее».

«Кто ж тебе в прошлом году не давал? Теперь летай пассажиром».

Я двинул рычажок газа вперёд до упора. Быстро набирая обороты, взвыл мой «Райт-Циклон». Обычное покачивание на мелких ухабах переросло в душевную тряску. Мелко задрожала овальная баранка управления, принявшая вибрацию от элеронов и руля высоты. Вдруг сидящая на парашюте пятая точка прекратила скакать, остался лишь зуд в ручке и на педалях. Мы в воздухе!

Сквозь чаячий изгиб крыла и туманный круг винта виден И-15 майора. Я чуть нагнал его и сбросил газ. Скорость двести, высота растёт понемногу. Чуть качнул педалями и ручкой, машинка слушается! Правда, если заложу крутой вираж или, тем более, в штопор сорвусь, даже не представляю, как она себя поведёт и, главное, как тогда с ней справлюсь.

Идём по прямой. Подбрав газ, чтоб не отстать и не таранить ведущего, осмелился вбок глянуть. Мать-перемать, полный восторг! Вроде ж ничего особенного, железная дорога на Минск да так называемое «шоссе», римляне и то лучше укладывали. А с высоты – натуральное волшебство, будто превратилась Советская Белоруссия в игрушечную страну. Машинки, паровозики, домики, их хочется пальцами взять, рассмотреть и переставить. Вон, центр виден, белые церкви, старая крепость и казармы, наследие царских времён.

Высота метров пятьсот, человечков видно отчётливо. Руками машут. Украдкой посмотрев на майорский истребитель, я чуть нос задрал и ручку вправо-влево. Крыльями покачал, значит. Смотрите, люди добрые, пролетариат трудовой, как сталинские соколы охраняют мирное небо... Тьфу, нахватался комиссарских штампов, скоро сам в них поверю!

Подгорцев между тем заложил весьма неглубокий вираж, широким полукругом разворачиваясь влево. Я – за ним, примерным пионером. Перед капотом проплыл западный горизонт, там затаилась Германия и находится цель моей миссии. Но бросаться на врага, едва самолётом владея – даже не самоубийство, просто глупость.

Днём у Бобруйска ориентироваться просто до ужаса. Большая река, железные дороги. Чесслово, и без комэска не запутался бы. Горькое разочарование только, что воздушная сказка заканчивается.

Я притёр машину к полосе без козла... почти. Биплан чуть подпрыгнул на передних стойках и опустился на три точки. Обождal, пока скорость упала, начал змейку выписывать. Как и на взлёте – впереди ни хрена не видно.

Лётный шлем взмок, хоть выкручивай. Обтёр макушку рукавом, снова шлем на голову нахлобучил – честь отдавать, рапорт оглашать командиру отряда. Подгорцев подтянулся.

– Ну, доволен, настырный?

– Так точно, товарищ майор. Навыки восстанавливаются. Прошу согласовать график подготовки. Хочу подтянуться до полётов в составе звена и эскадрильи.

Отцы-командиры тихо застонали. У отрядного рука дёрнулась. Похоже, хотел мне в морду засадить, едва сдержал порыв.

Решив больше не назоляться, я отправился в столовую, где ощутил себя героем дня. Ну, будто с боевого вылета вернулся, покروшив «Цепеллин» и двух «Фоккеров» в придачу. Это же заурядный тренировочный полёт, без сколько-нибудь серьёзных пилотажных фигур! Ну, будто бы пешком прошёлся. Самолётный по-пешему.

Залив в бак тарелку борща, откинулся на стуле.

«Болван же ты, Мудаков!»

«Что обзываешься?» – прокряхтел бывший хозяин тела и несостоявшийся политработник.

«Добровольно отказался от такого счастья!»

«Вроде Божьей Благодати?»

«Зря ёрничаешь, безбожник. В Благодати соединены все радости, земные и возвышенные, кроме грешных. Стало быть, восторг от полёта тоже в ней есть. А тебе лишь бы выпить и потрахаться».

«Может, отметим сегодня? Ребята нехорошо косятся...»

«Ну уж нет, – обрезал я его мечты. – Конечно, пить придётся. Но не пьянея. Только чтоб из общества окончательно не вылететь».

«Как это?»

«Запросто. Помнишь, как за ночь язвочка зажила на... Ну, ты знаешь, где. Порезы на морде исчезают до окончания бритья, больше никаких бумажек. Одна из прелестей внедрения беса в смертное тело – быстрое выздоровление и расщепление отравляющих веществ, включая этиловый спирт. Трудно нас убить, разве что голову отпилить или фюзеляж порвать на куски».

«Здорово! Или нет? Выпить-то хочется...»

«За особо выдающиеся подвиги могу изредка отключать борьбу со спиртом. Я же тебе по ночам позволяю телом рулить, когда с Лизой исполняешь супружеский долг. Не трепыхаешься – заслужил».

«А ты подглядываешь!»

«И даже чувствую удовольствие, что и ты. Тут – без вариантов. Задремать или иным образом отключиться, когда начинается веселье, не могу, брат».

Думал, заведёт привычную бодягу – какого чёрта в него вселился бес и какого дьявола не хочет свалить. Нет, смирился. По крайней мере, мозги не полощет.

А в части для меня начался настоящий ад, не хуже предыдущего места службы в загробном мире. Наряды и неприятные задания посыпались что из рога изобилия, за ними – взыскания, мол, не доглядел, не проявил комсомольской сознательности и революционной бдительности. Любые пакости гораздо придумывать, лишь бы в небо не рвался. Ну не поверили товарищи командиры в мои пилотажные способности!

Комиссар эскадрильи вызвал Лизу на доверительный разговор, расспросил – может дома что не так? Отчего у комсорга столько неизрасходованной энергии? Или у жены нередко голова болит? Супружница, по её словам, честь семейного очага отстояла, а комиссар обеспечил мне выговор за «невыход внеочередного комсомольского листка». Очередные-то все вывешиваются вовремя, нумеруются и хранятся не менее тщательно, чем документы о техническом обслуживании машин.

Второй раз я взлетел лишь в июле, в конце того же месяца снова, теперь в составе звена. Вдобавок получен был приказ о присвоении мне старлея. Документы отправились наверх до начала лётных инициатив, и командир бригады, громко скрипя зубами, вручил мне новые петлицы с третьим кубиком.

В тройке мы ходили по инструкции, то есть по воздуху, но пешком. Повороты блинчиком, почти без «опасного» крена внутрь радиуса, взлетели-развернулись-домой. Я с бессильной тоской поглядывал с земли на учебные бои настоящих лётчиков, лихой высший пилотаж. В общем, всё то, что мне запрещено. Из-за болезненной подозрительности Подгорцева и ваниного разгвоздьяства меня обучили, по существу, лишь взлёту-посадке да грозному топанию по траве с «моторным» бормотанием и раскинутыми клешнями. «Если завтра война, если завтра в поход», парни помянут вражью маму неприличным словом и полетят показывать куськину мать вблизи... А я?

Со мной смирились. Ну, служит. Ну, как-то летает беременной уткой. *Delirium tremens*, он же белая горчка, вроде бы не проявляется. Но недоброжелательство командования осталось. Военлёт Бутаков выпал из привычных представлений о лентях-обтекателях, внушал опасения, как знак беды. И беда не заставила себя ждать.

На посадку заходил древний И-5, когда «Чайка» из соседней эскадрильи выкатилась на полосу для взлёта, упёрлась слепым рылом в небо и рванула навстречу. Я с парнями из нашего звена у КП болтался. Словно по наитию, втроём повернулись к ВПП – взлётно-посадочной полосе. «И-пятый» судорожно газанул, попробовал подняться, но куда там... Скорость для набора высоты уже потеряна. Удар, взрыв, пожар, ошметки в разные стороны. Мы, понятно, кинулись к полосе, а толку? Лётчиков вытащили потом. Маленькие, как младенцы, скрюченные. У одного только белые зубы торчат, губ-то и не осталось. У второго, садившегося, голову вообще не нашли – раздробило, видно.

Дальше, как водится, прибыла комиссия из Минска, началась обычная канитель: разбирательства, собрания, оргвыводы. Обо мне командиры слова дурного сказать не вправе. Ошибки причастных очевидны – наземного умельца, который флажком отмашку на взлёт дал, не глянув спускающуюся машину, пилота, погибшего на И-5, что душой пошёл на посадку, не посмотрев на лётное поле. Я вроде бы ни при делах, но каждая начальственная падла на меня косяки бросает. А в неофициальной обстановке говорят с матерком: если бы не мои выкрутасы, мать мою и самого меня во все дыры, были бы живы ребята... Логика – ноль. Но мне не легче.

Феерия с разбирательствами вылилась в открытое объединённое комсомольско-партийное собрание авиабригады. То есть практически всего личного состава, беспартийные только поварахи да малость рядового аэродромного персонала. Я не воспользовался комсорговой привелегией заседать в президиуме, в гущу забился, ветошью прикинулся, изготавившись не отсвечивать и громко хлопать при упоминании имени любимого вождя авиаторов и друга ботаников. И, быть может, отсиделся бы, но комбриг не стерпел. Ни к селу ни к городу решил по мне проехаться, никакого отношения к катастрофе не имевшему.

– ... Не могу не отметить, что некоторые наши товарищи, а конкретно товарищ Бутаков, комсорг первичной комсомольской организации и прочий ответственный товарищ есть глубоко безответственный командир. Старший лейтенант Бутаков не принял предписываемых наставлениями мер, не проявил комсомольской сознательности, допустив верхоглядство, шапкозакидательство и прочие реакционно-троцкистские манеры. В результате его халатности и произошёл трагический несчастный случай в соседней эскадрилье, унёсший жизни двух верных сталинцев.

Абсурдность ситуации, когда лётчика обвиняют в происшествии, кое стряслось в другом подразделении, очевидна до неприличия. Гебешный майор нехорошо так ослабился, примеряя статью к комбригу и навешивая в качестве отягчающего обстоятельства попытку перевалить вину на старлея.

Но меня это не спасёт. Обвинение в троцкизме прозвучало публично, и нельзя не дать отпор. Преисподняя – тот ещё гадюшник, наполненный покойными светлыми личностями вроде меня. А уж Троцкому готов персональный люкс. Ждёт постояльца. Я девятнадцать веков учился меж подобных зверушек выживать, и тут какой-то бывший кавалерист с будёновскими усами решил со мной в игры играть? Новичок с гроссмейстером?

Я встал, попросил слова, одёрнул гимнастёрку.

– Как комсомолец и красный командир не считаю вправе молчать о фактах приписок, очковтирательства и вредительства, снижающих боеспособность авиационной бригады. В течение последнего года вместо выполнения полётных планов и наращивания боеготовности в соответствии с волей товарища Сталина и нашей ленинской партии служба превратилась в показуху!

Ну да, преувеличил малость. Распространил факты ваянкиного ничегонеделания на всю эскадрилью. Время такое – поэтических гипербола. Кто-то покраснел, другой посерел, третий с четвёртым побледнели, молодёжь заулыбалась, только равнодушных нет. Я уложился в три минуты.

– ...Таким образом, считаю аварийность в бригаде следствием формального и безответственного отношения к службе, граничащего с саботажем и вредительством, совершаемым внедрёнными к нам троцкистами, оппортунистами, ревизионистами, вправо-влево-уклонистами и прочими врагами народа! Я закончил, товарищи.

Молодые командиры обрадовались, начальство окаменело...

«Ты что натворил! – вскрикнул квартирант. – Покаялся, может, и пронесло бы...»

«Шиш! Им жертва нужна. Я девятнадцать веков на зоне в преисподней. Слишком много, чтобы и в здешних лагерях чалиться. Кто за нас германцев бить будет? Пушкин?»

В соответствии с неумолимыми законами бюрократии, едиными для мира и живых, и мёртвых, скандал решили локализовать. Естественно, первым делом укоротить его главного возмутителя – несносного старлея-правдоискателя. Или сбавить с глаз долой.

– Товарищ Бутаков! – спросил меня представительный мужчина с высоким, идеологически выверенным лбом. – Как вы относитесь к справедливой борьбе испанского народа против империалистической хунты?

– Замечательно отношусь! Можно сказать – всем сердцем сочувствую!

Партийный чиновник расцвёл, озарив унылый интерьер штаба бригады, ещё более погрузневший за неделю после памятного собрания – с доски почёта исчезли торжественные лики нескольких бригадных персонажей, заподозренных в уклонизме от генеральной линии. Только бессменные Сталин с Лениным никогда не покидают боевой пост и предают особую весомость словам штатского партийца, постепенно усиливающего на меня нажим.

– Тогда почему же вы, товарищ командир, не пожелали в Испанию добровольцем отправиться?

– Я Советской Родине присягал, товарищи. Здесь мой боевой пост. Испанский народ – дружественный, но иностранный как-то.

– Смотрю, вы плохо понимаете политику партии, – протянул и.о. комиссара бригады, сознательный борец за правое дело по фамилии Фурманский. Прежнего политкомандира отчего-то не видать ни на доске, ни в столовке. – Товарищ Сталин заявил, что помощь братскому испанскому рабочему классу есть первейший интернациональный долг.

«Соглашайся! – вякнул Ванятка. – Хоть за границу посмотрим».

Пассажиру – что? Туризм. Не въехал сокол в важность антигерманской миссии. И испанские националисты в качестве врагов в ней не числятся. Но, похоже, выбор за меня сделали без меня. Материализовался сей выбор в листке бумаги и ручке с чернильницей, которые мне придвинул временный комиссар.

– Пишите, товарищ. Исполняющему обязанности командира двенадцатой авиационной истребительной бригады подполковнику Моисееву. Рапорт. Написал? В связи с осознанием потребности оказать интернациональную помощь братскому испанскому народу в борьбе с ненавистной капиталистической хунтой прошу уволить меня из рядов ВВС РККА и отправить...

– Виноват, товарищ комиссар. В Испанию, если партия направляет, с радостью и с песней. А из рядов ВВС – извините, о небе с детства мечтал.

Тот недовольно зыркнул на штатского партийца и штатного гебешника, они столь же недовольно кивнули. Желание избавиться от летучего обтекателя с длинным языком пересилило мелкие формальные нестыковки.

– Малой что хочешь. Лишь бы в Испанию.

– ... в Испанию, – задержав руку, не успевшую поставить ваятку закорючку внизу листа, я решил немного пощипать чувствительные партийные души. Ну, чтоб не слишком радовались на прощанье. – Только не пойму, товарищи. Много выговоров в личном деле, а для интернационального долга характеристика нужна – от командира части, комиссара и комсорга. С моими-то подвигами.

Не склонный к вывертам вокруг да около, подпол Моисеев рывкнул:

– Похер! Главное – от тебя избавиться.

Комиссар чуть сгладил углы.

– Партия Ленина-Сталина тем сильна, что умеет признавать и исправлять ошибки низовых звеньев. Отношение к вам пересмотрено, служебные и комсомольские взыскания сняты. Так что можем уверенно рекомендовать вас к защите чести Родины на самых дальних рубежах борьбы за социализм во всём мире.

А в глазах чистосердечное пожелание – чтоб ты сдох на этих рубежах. И на том спасибо. Но на прощанье я не удержался и вставил ему.

– Товарищ комиссар! Чтоб не было сомнений, напишите и вы рапорт в Испанию. Как же мы без партийного руководства за границей? Всё равно что без пулемётов. Покажите пример.

Моисеев и гебист вцепились в него взглядом. Ещё минута – и стволы достанут, один мне в лоб, второй политкомандиру: подписывайте оба, с-суки, и валите подальше нахрен.

– По линии политчасти разнарядки на добровольцев не поступило, – проблеял взбледнувший и.о. – А то бы с радостью...

– Видите, товарищи? Интернациональный долг только по разнарядке, а не по зову сердца, как у нас, молодых командиров, – я вывел немудрёный ванин вензель в роковом листике и подмигнул гебешнику.

Тот намёк уловил. Не хочешь на запад, политработник, и на востоке есть множество живописных, пока недостаточно освоенных мест.

Глядя на несчастную морду Фурманского, я вдруг понял, отчего вселение в тело высокопоставленного грешника толку бы не принесло. Слишком отличаюсь от живых. В ординарной части ВВС, далеко не образцовой, и то не вписался. Сейчас обошлось заграничной ссылкой. А в ипостаси наркома мог и путёвку в ГУЛАГ схлопотать, Сталин вряд ли стерпел бы ёрничество и сарказм, без которых созерцать происходящее невыносимо. Так что в бюрократической логике ангелов обнаружился смысл.

Самое неожиданное – Фролов добровольно написал рапорт в Испанию. Просятся ещё многие, «высокое доверие» упало лишь на нас со Степаном. Остальным – разве что в будущем. По дороге с аэродрома он пробовал мне объяснить:

– Жена, понимаешь, задолбала. Блядун, пьяница, деньги домой не доношу, дети без призора растут.

Ничего себе повод!

– Слушай, сосед, это же война. Летать надо, и убить могут. Очень даже запросто.

Он возмутился не на шутку.

– А я кто, по-твоему? Лётчик или погулять вышел?

Мы зашагали по знакомой улице. От избытка чувств военлёт даже призывные бабские взгляды отверг. Он снял фуражку, промокнул наметившуюся плешку на молодой голове, под фуражкой они часто проклёвываются, и решительно заявил:

– Сегодня нарежемся. Вчетвером, по-семейному. Приглашаю вас с Лизой. В эскадрилье отвальную потом сделаем.

Но наша с Иваном супруга пить отказалась, только картошку поклевала и налегла на солёные огурцы. Я чуть расслабился, дал самогонке поразить организм. Дома тихо спросил:

– Ты уже?

– Кажется... К доктору схожу.

– Так здорово ведь! Два года ничего, а тут – раз!

– Раз, и ты уезжаешь на войну.

– И что? Ненадолго же. Мы их быстро, мятежников, за пояс заткнём. Живи у мамы пока, а я постараюсь к родам вернуться.

– Обещаешь?

М-да, врать нехорошо, особенно слабым и беременным.

– Точно обещать не могу, пути Господни неиспо... в смысле – как командование прикажет. Но война кончится, нас в Испании задарма держать не будут. Что-нибудь тебе привезу, заграничное.

В день отъезда, собрав чемоданчик с домашней снедью и сменой белья, комсомолка Лиза сказала неожиданную вещь.

– Мама требует – как ребёночек родится, надо непременно окрестить. В церкви! Представляешь?

– Маму уважь. Только тс-с, тихо! Чтоб не судачили про жену красного командира, заявившуюся к попам.

Так вот. А ведь я – бес, демон преисподней, давний покойник и мучитель заключённых грешников, коих должен завлекать соблазнами нарушить заповеди, оттого увеличить срок. Три месяца на земле и почти очеловечился... Можно сказать, не выдержал испытаний. А это – полёты пешком. Что же стрясётся, когда закрутит в петлях и на виражах?

Глава 6

Глава шестая. Разлагающийся империализм

Москва! Да, столица произвела впечатление. Мы созерцали высотки со звёздами из кузова армейского грузовика, пыльные и притихшие провинциалы. Вечный город Рим, термы, Колизей и казармы легионеров, практически стёршиеся из памяти, конкуренции не выдержали. Наверно, за неполные пару тысяч лет и Рим разросся-расстроился... Но я в Москве. А более всего запомнилась она долгой и упорно повторяющейся идеологической накачкой.

Терпеть! Тем более убедился, что заряженные марксизмом бойцы готовы в огонь и воду. Комиссары своё дело знают.

Возвращаясь с очередного сеанса, проведённого в здании Наркомата обороны, в общепитие на Красной Пресне, я с трудом задвинул услышанное куда-то в чулан сознания и со злостью подколол пассажира.

«Вернусь в преисподнюю, введу зэгам новую пытку – конспектирование классиков марксизма-ленинизма на тему кабрирования при развороте на глиссаду. При невыполнении – заучивание наизусть «Краткого курса истории ВКП(б)». Увидишь, половина в котлы со смолой запросится, только бы не это».

Глава первичной комсомольской организации не нашёл что возразить.

Потом на интернационалистов обрушилась индивидуальная работа. Парни с горячим сердцем, холодной головой и сравнительно чистыми руками доходчиво объяснили, что каждый из экскурсантов должен непрерывно доносить на коллег и в Испании, и по возвращении. Наконец, состоялся маскарад с переодеванием в гражданскую одежду.

Мы погрузились в вагон вшестером, поезд Москва-Варшава, в Польше ожидается пересадка до Парижа, а в запорижье нас должны местные товарищи переправить. Пять летунов, за старшего шестой – политрук Погребной. На руках паспорта с нужными штампами, а чтобы поляки, германцы и французы не придрались, нам вручили командировочные удостоверения торгпредства. По-моему, я один додумался глянуть, что по бумагам мы числимся крупными спецами из Наркомата тяжёлой промышленности, чего-то там продавать или закупать желаем. Легенда настолько сырая и неотработанная, что треснет от первого же вопроса.

Нам со Стёпой в соседи по купе досталась польская пара, мужик дореволюционного вида с пышными усами, подобные пачками сыпались мне на зону в отряд после встречи с комбедами. Сухая чопорная пани лет сорока, полное фу-фу на фоне бобруйских евреек и белорусок. Стёпа тут же намылился в купе к военлёткам, у них чемодан с сорокоградусным топливом, Ванятка тоже дёрнулся. Куда денешься, касатик, в общем теле ты как в подводной лодке!

А у меня в чемодане книги, немного – штучек пять. В том числе Сервантес в оригинале, вставленный в обложку с «Чапаевым» Фурманова. Конечно, с латынью в голове испанский понять не трудно, да и немало терзал испанцев. Но освежить не мешает, потом на месте осовременю и произношение подтяну. Заодно немного Ванятку поднатаскал, на уровне «си, синьор» и «муча грасиас». А то совсем дуб дубом, ни слова на Пиренеях не поймёт. Впрочем – он и так деревянный.

Белополяки, как их именует газета «Правда», несколько опешили от вида большевика, отказавшегося идти с товарищами глушить водку. Когда же степенно расселся с томиком в руках, окончательно выпал из стереотипного представления о нашем брате. Наверно, паны предпочли бы остаться одни.

К тому же Фролов, отправляясь в европы и выдерживая фасон, вылил на голову полбанки «Шипра», погубив тараканов в купе, если таковые обретались. Поляки с ходу не разобрали источник сногшибательного аромата, перебившего даже вонь от сапожной чёрной ваксы, ей

Стёпа старательно надраил коричневые кожаные ботинки. Ну не привык он ничего носить кроме сапог и унт!

– Пшепрашем. Пана ждут товарищи? – попробовал ускорить процесс недобитый буржуин, заговорив со мной на странной смеси польских и русских слов. Я тоже ответил винегретом.

– Вшистка едно. Нехай чекают. Ксёнжка интересная, водка ест грех.

– Что может большевик понимать в грехах?

Ого, тонкие и вечно поджатые губы соседки умеют расстёгиваться. Правильно, чем же иначе она кушает? Эх, знала бы панна, насколько я сведущ в грехах и в их искуплении...

Мы проболтали часа четыре на вечные темы о добре и зле, каре и воздаянии, прописанных в Библии и в материалах пленумов ЦК ВКП(б). Постепенно, отлавливая из мешанины польские словечки и извлекая из памяти обрывки бесед с убитыми воинами Тадеуша Костюшко, я полностью перешёл на мову Речи Посополитой.

При Стёпе от болтовни с соседями воздержался, чтобы лишние вопросы не вызывать. Может – зря. Когда его вечером сгрузили, он и русский-то не слишком понимал. Оставшиеся на ногах летуны, квалифицированно выдержавшие норму, молча облили меня ведром презрения. Не пьёт вместе со всеми, значит – стучит. Или компру копит, это одно и то же. Ничего, впятером упрутся и заявят, что я один бухал, приставал к иностранцам и выбалтывал им военные тайны как последний троцкист. Кому тогда поверят политорганы и ГБ?

В Варшаве наш доблестный комиссар-командир долго и безуспешно совал злотые касирше, не в состоянии понять, что прямого поезда до Парижа сегодня нет, а лучше ехать в Берлин.

– Что талдычит эта курица? Ниц нема? Нам не к немцам, а в Париж!

Владение местным языком лучше не раскрывать раньше времени. Тут у политкомиссаров нух заточен. Могут и до Испании не добраться. Шпион, мать твою.

– Таки вам придётся ехать в Берлин, – сказал человек в очереди, уставший ждать. – Ой вей, в нём решительно не хорошо, поверьте старому Хаиму. Но без пересадки в Берлине вы таки не попадёте в Париж.

– Спасибо, товарищ! – успокоился наш маленький фюрер и продолжил моральное насилие над билетёршей.

От обращения «товарищ» старый еврей вздрогнул. Верно, не меньше чем от нацистского окрика «юден!»

До поезда мы слонялись два часа. С первого взгляда заметно, как наша кучка здорово отличается от европейской публики. Мелкие, молодые, комиссар ростом под метр семьдесят пять смотрятся старшим братом. На всех одинаковые мешковатые костюмы тусклого тёмно-коричневого цвета из очень плотной ткани, оттого в тёплую сентябрьскую погоду подмышки влажные, их запах конкурирует с «Шипром». А удивлённые взгляды! Парням объяснили, что на вокзалах и по пути они будут созерцать исключительно капиталистов, эксплуататоров угнетаемого рабочего класса, к которому мы летим на выручку. Но горстка буржуев что-то уж слишком велика. Встреченные труженики, как-то продавщица цветов, чистильщик обуви, носильщики, официантки в закусочных и прочие пролетарии одеты хорошо, упитанны, поголовно в кожаных ботинках и туфлях. А главное – нет ни следа неуверенности в завтрашнем дне, так рекламируемой газетами Советского Союза. Наоборот, спокойные, даже какие-то вальяжные. Та же официантка, сними она передник, сольётся с толпой буржуа, вряд ли особо выделяясь.

И тут ядовитой змеей проскальзывает меж идеологических редутов страшная до колик мысль: а вдруг и другие в толпе у Варшавского вокзала – не буржуазия? Неужели и эксплуатируемые классы тоже прилично живут? Следовательно, не всё, написанное в «Правде», и есть святая правда... Мир, основанный на незыблемых истинах марксизма, рушится на глазах!

Здесь у парней включилась внутренняя цензура, они только таращились на расфуфыренных паненок, господ в жилетках и нарядных ярких детей. Не комментируя вслух. Потом купили мороженное, с непривычки посадив белые плямы на коричневую пиджачную шерсть. Эх, ребята! Вам бы снова в галифе и гимнастёрку. Буржуйский прикид только в тягость.

Берлин вообще вогнал моих спутников в ступор, включая Ванятку. Истерзанная Версальским договором, ограбленная империалистами страна, где трудовой народ продолжают насиловать внутренние капиталисты, поразила чистотой, порядком, изобилием машин и товаров в витринах. У вокзала, не в центре!

Признаюсь, и я смотрел на европейские столицы обалдевшим взглядом. Когда мои легионеры гоняли аборигенов вдоль Иордана, здесь шумели дубравы. А Иерусалим библейских времён меньше Бобруйска.

Между тем комиссар не смог билеты купить. Не предусматривалась пересадка в Берлине, а польские злотые в кассе не нужны. Рейхсмарок кот наплакал. Я не выдержал. Даже в древнем Иерусалиме были обменники, столы менял находились прямо в иудейском Храме. Поделится нетленной идеей с нашим главным партайгеноссе, он зыркнул с неприкрытой злобой. Очевидно, ещё в Союзе предупреждён – в группе едет неприятный умник, возомнивший о себе невесть что.

Других идей не появилось, за неимением лучшего вождь воспринял мою. В общем, в отделении Дойчбанка злотые ему поменяли, но курс процентов на двадцать хуже, чем в Варшаве. Странно, конечно, почему поляки свою деньгу больше ценят, нежели гансы. Когда марок не хватило, пунцовый цвет комиссарской морды превратился в сиреневый.

– В Берлине должно быть советское посольство. Обратимся?

Будь у парня «наган», наверняка бы в меня выстрелил.

– Долбанный придурок! Всех умнее? Наша поездка – секретная! Запрещено обращаться! Теперь хоть пешком в Париж!

Когда шестеро субъектов в одинаковых коричневых хламидах носятся у вокзала, орут благим матом и просто матом, это и есть нормальное тайное перемещение советских торговых представителей? А может, так и должно быть. Я не видел других советикусов за рубежом. Проще вопить, нежели в Варшаве включить голову, сразу оплатив дорогу до Берлина и после пересадки до Парижа.

Комиссар принял гениальное решение – успокоиться. Лётчики облюбовали уголок, извлекли заначки из чемодана. Он превратился в стол, на нём порезали останки закуси. Мне отлегло от души. Сейчас их повяжут полицаи, увидят русские паспорта, дёрнут кого-то из консульства... Отгребать всё равно политруку.

Неожиданно для себя самого, я тронул его за плечо.

– Какие у нас ещё деньги есть, кроме советских?

Оказалось – франки. Я узнал цену самых дешёвых билетов в der Bahnhof Kasse, снова сгонял в банк. Теперь хватило. Но до запорижья придётся не жрать. Зато варшавского мороженного отведали!

Французский коммунист, встретивший нас на авто, живо защебетал, как он радуется приезду. Спросил, кто пресипаль, то есть главный. Я сделал вид, что с трудом догадался, пихнул политрука и кивнул на него – мон генераль. Француз счёл за честь – к нему послали такой высокий чин, почтительно поклонился и вручил записку с адресом, а также карту с указанием маршрута. Голодный политработник удалился, но перед этим попрощался с нами. Даже руку пожал.

– Не держи зла, Иван, что наорал на тебя. Нервы, понимаешь... В Берлине здорово нас всех выручил. Иначе – труба. Коли встретиться доведётся, не забуду. Береги себя, не высывайся лишнего.

Неожиданно, но приятно. Се – человек, хоть и комиссар.

В Париже нас через центр провезли, впервые за эту поездку. В Польше и Германии вокруг вокзала кружили, мало что видели. А Париж – настоящая сказка. Я, честно говоря, тоже почувствовал себя советским туристом. Собственно, в чём разница? В преисподней мы картинки смотрели да рассказы слышали, а чтоб своими глазами – только оперативникам приходилось. Каждый второй из них с задания привозил взыскание, увеличивая срок лет на пять-десять. И всё равно души под солнце рвались!

Взгрустнулось. Москва, Варшава, Париж... Здесь живут миллионы смертных, чувствуют – здесь их дом. У меня нет дома девятнадцать веков. Вместо него – очень особенная миссия, за её провал святоша пригрозил высшей мерой, и это не пустой звук. По сравнению с исключительной карой даже тысячелетие в кипящей смоле ощущается лёгким дискомфортом. Вкалывая надзирателем на зоне, я и в теории не мог попасть ситуацию, когда меня в наказание обмакнут в Вечное Ничто.

Пока предавался невесёлым размышлениям, наш водитель вырулил на шоссе, и мы понеслись... Как понеслись! Он не вёл машину – пилотировал.

– Во Франции шофёр, дающий менее ста километров в час, не имеет право на существование, – заявил он.

Фразу разобрал я один, но куда прыгнула стрелка спидометра, парни увидели. У «Чайки» посадочная скорость девяносто, отрываемся обычно на ста десяти. Наш Пьер разогнался намного больше. И дороги здесь – загляденье. Не то что у Бобруйска, даже около Москвы нет ничего подобного.

«Рено» набит до отказа – пилот, нас пятеро и вещи. Если опустить подробности, мы меньше чем за сутки перенеслись на южное побережье Франции, точно сказать не могу куда, западнее Марселя. И это с остановками!

Города, городки, поля, виноградники... Если Бог создал человека по собственному образу и подобию, то рай, наверно, соорудил по примеру юга Франции.

– Где же угнетённые пролетарии? – Гиви Джинджолия озвучил самый животрепещущий для моих спутников вопрос.

– Пролетериан? – это слово оказалось для Пьера понятнее по-английски. – Ай эм а рэд пролетериан!(2)

2. *Я – красный пролетарий (скверный английский).*

В подтверждение он стукнул кулаком себя по груди.

– С собственным автомобилем? – поразился Гиви. – Сколько же он зарабатывает?

Самому интересно. Показал водителю франк, знак вопроса и календарик, отметив ногтем месяц. Не снижая скорости менее ста пятидесяти, выходец из угнетённого класса написал цифру пальцем на приборной доске. Военлёты уже получили минимальное представление об уровне цен по придорожным забегаловкам, поэтому растеклись по сиденьям в шоковом ступоре от подлости загнивающих империалистов, выплачивающих пролетариям шальные деньги.

– Ничего парни, – я утешил их как мог. – Победит революция, и он тоже получит зарплату на уровне рабочего с завода «Красное Сормово», а машину сдаст в парижский жилкомунхоз.

По идее прямолинейный Гиви должен был рывкнуть «и в задницу такая революция», но мои коллеги подчинились иной логике – советской. То есть просто промолчали.

Конец автомобильного путешествия ознаменовался плотным дождём. Машина буквально врезалась в сырую взвесь. Солнечная Франция вдруг превратилась в подобие туманного Альбиона, описанного в романах. Интересно, как будем пересекать Средиземное море. На рыбацкой шхуне?

На побережье мы с ужасом увидели транспортное средство, изготовившееся перекинуть нас в Испанию. Не буду утверждать, что хорошо знаком с техникой времён Мировой войны, но вряд ли этот аппарат моложе. «Чайка» по сравнению с ним – воплощение человеческого гения. А самое страшное нарисовалось рядом. Древнее уёжище поведёт над морем... женщина-пилот!

Если не ясно, она вовсе не страшная, худенькая только, глазищи огромные и хитрые. Но! Женщина за штурвалом! Можно считать, что уже приплыли.

– Хола! – весело сказала она. После чего отрывистыми и понятными словами, по крайней мере, мне понятными, объяснила, что самолёт маленький, вещи не брать. Главное – выбросить паспорта. Или отдать их Пьеру.

Ерлыкин, поражённый способом переправки через море, ткнул пальцем в реликтовый аэроплан.

– Что это? Самолёт Можайского? Фарман? Блерио?

Девушка, уловившая названия летающих гробов начала Мировой войны, что-то весело прокурлыкала в ответ. Сквозь шум дождя и ветра мне послышалось «Ле Пате Сет... Лорен-Дитрих онжин...». Да, особенно «Лорен-Дитрих» впечатляет, так называл свою развалюху Адам Козлевич из «Золотого Телёнка» (3).

3. Возможно, имеется в виду «Потез-VII» 1919 года с двигателем упомянутой марки, воздушный аналог «Антилопы-Гну» Козлевича. Автор не всегда знает, что болтают персонажи.

Думаю, археологи будущего нашли бы на «Пате» остатки кабины и сидений. Здесь позади пилотского места обнаружился люк, ведущий в малюсенький грузовой отсек. Владелица крылатого кошмара пальцем на мокрой обшивке написала 5х75. Угу, в среднем наши худые тушки больше семидесяти пяти не весят, если оставить во Франции даже мыльно-рыльное.

Я повернулся к Пьеру и жестами показал, что нужно два рейса. Тот энергично pokrutil головой. И мы полезли внутрь. Четверо запрессовались в объём, рассчитанный не более чем на двоих, пятый подпёр макушкой гаргрот (4), присев на корточках над голыми тягами рулей.

4. Верхняя часть фюзеляжа между пилотской кабиной и хвостовым оперением, обычно служит для создания обтекаемой аэродинамической формы самолёта, а не крыши над головой для красных соколов.

– Твою мать! – у Ерлыкина тут же свело ногу, в тесном пенале её никак не размять. – А если разобьёмся?

– Не волнуйся. У лётчицы есть парашют. Один.

Чего это они на меня зверем посмотрели?

В люке показалась голова в лётном шлеме.

– Passeport! – рявкнула она женским, но не женственным голосом.

Мы без восторга извлекли паспорта, лишаясь хоть какой-то легальности в Европе.

«Что ты делаешь! – зашевелился Ванятка. – А если нас пограничники поймают? Или убьют вообще?»

«Плохо. Я зря три месяца потерял. Тебе-то чо? Сначала в чистилище, как все, получишь срок в плечи и добро пожаловать. Слово замолвлю, чтоб пытали погорячей – быстрее к светлым выберешься. Лет за девяносто. Не забывай, могу в любую секунду туда билет выписать».

Про высшую меру молчу. И так соучастник напуган.

«Я не согласен!» – мычит комсомольская душа.

«Когда сказал – дьявол меня заberi – согласился на всё оптом. Стало быть, в любую минуту... Да не бойся! Я привык к тебе. Голос в голове воспринимается как лёгкая шизофрения, трактующая все увиденное в разрезе судьбоносных решений семнадцатого съезда ВКП(б)».

Авантюристка захлопнула люк, придавив нас темнотой. Лучше не думать, что взлетающему к морю огрызку не хватит полосы, и на прощание с этим миром придётся искупаться. Не говоря о том, что погода даже для современной техники нелётная.

– Зато конструкция проверена десятилетиями эксплуатации, – попробовал пошутить Гиви. – Значит, надёжная – мамой клянусь.

Фюзеляж наполнился грохотом и вибрацией заработавшего «Лорен-Дитриха», и у меня остался только внутренний собеседник.

«Слыш, Вань. Нас-то ладно, мелкими группами как торгпредов. А самолёты как?»

Ответ известен, мне интересна его реакция. На удивление, сокол рассудил вполне здраво.

«Морем. Потом сообразили, что у республиканцев нифига нет пилотов, а без них «Чайки» не полетят. И вот, хотя бы часть из нас доберётся».

«Дальше не хватит моторов, запчастей топлива? Если уж пилотов не досмотрели».

«Дело случая», – философски заметил компаньон. Ему уже едва не хватает до мудрости «всё в руце Божьей».

Мы трепались много часов, Ваня с удовольствием слушал о великих грешниках прошлых столетий. В тесном чреве испанского самолёта нас трясло, качало, швыряло и продувало. Вдобавок, из-за низкой скорости, куда там до «Рено», рейс продолжался невероятно долго, я уж и счёт времени потерял. Периодически мотор кашлял, матерчатое тело сотрясала судорога, но каждый раз вновь подхватывал, и мы гадали – скверное топливо тому ли виной, зажигание или карбюратор с засорившимся жиклёром.

«Ерлыкин про самолёт Можайского напомнил. Как же здорово, что в нашей стране он первым полетел! Раньше всех в мире».

«Не полетел. Поехал и перевернулся».

«Откуда ты знаешь?» – возмущённо взбрыкнул Ванюша.

«Как откуда? Можайский сам мне рассказал».

За такой болтовнёй коротали тягучее время.

Всё хорошее когда-нибудь кончается. Скверное тоже, хотя последнее чаще превращается в ещё более скверное. Но нет – после снижения с вполне работающим движком мы ощутили удар колёсами о твёрдое покрытие, торможение и поворот куда-то.

Из люка не вылезли – вывалились. Сложенные и затёкшие конечности первые секунды не хотели выпрямляться и двигаться. Не полёт – попытка, поверьте специалисту.

Над головой безбрежное звёздное небо. Воспользовавшись темнотой и не сговариваясь, мы бросились в кусты. Щедрое хоровое журчание совпало с замечательным чувством лёгкости внизу живота. У аэроплана появился русский, достал пачку денег. Парни попрощались с лётчицей.

– До свиданья, Хола! Спасибо, что довезла нас, Хола!

Переводчик сдержанно засмеялся.

– Её зовут Мария. Желаете попрощаться – говорите «адиос». «Хола» означает «привет». Это она с вами здоровалась. Учите испанский, господа военлёты. Я не смогу каждую минуту находиться рядом с каждым из вас.

Слово «господа» меня насторожило, других просто вздёрнуло. Для них господа в 1920 году закончились, после – товарищи и граждане. Ну, или непримиримые классовые враги. Один Ванятка, уже слегка перевоспитанный, проявил спокойствие.

– Из бывших, да-а? – решил расставить точки над *i* неугомонный и принципиальный Гиви.

– Все мы когда-то были кем-то, все мы есть кто-то сейчас, – напустил туману встречающий. – Имейте в виду, на стороне республики воюют не только коммунисты, их сравнительно мало. Есть социалисты, по-вашему – меньшевики, и анархисты. Начали прибывать добровольцы из многих стран, поэтому будьте любезны проявлять лояльность к любым союзникам. Лётчица Мария вообще вне политики, она промышляет контрабандой, перевезла вас не по убеждениям, а за хорошие деньги. Зовите меня Пётр Григорьевич. Прошу следовать за мной, гм... граждане.

Даже в темноте видно – у соколов клювы вытянулись. Они-то думали, с Испании начинается коммунистическая революция в Западной Европе, и скоро здесь у каждого пролетария

или крестьянина-бедняка будет «Рено». Как у Блока в стихах: мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем. Это многие большевики любили повторять, до прибытия ко мне в отряд. Оказывается, на Пиринеях меньшевики правят бал... Разберёмся, товарищи!

Пока у военлётов закипает разум возмущённый, пытаюсь прочувствовать обстановку. Хорошо-то как! Никакой гари, тлена и иных запахов войны, только вкус моря в воздухе и ароматных южных растений.

Тепло. Сентябрь, а в Бобруйске и в июле по ночам прохладнее. Я одёргиваю себя: хватит сравнивать весь мир с Бобруйском, как тамошние аборигены. Здесь – Западная Европа. А раз СССР отправляет войска Республике, то, быть может, и германцы подтянутся.

Так безобидно и даже несколько буднично началась для меня Гражданская война в Испании, на которую я совершенно не стремился.

Глава 7

Глава седьмая. Над всей Испанией безоблачное... некогда рассматривать облака!

Товарищ Пумпур Пётр Ионович огорошил нас пачкой новостей. Первое. Пароход с самолётами не только не прибыл в страну, но, похоже, из Союза не отчалил. Второе. Германцы и итальянцы ждать не намерены. На стороне мятежников летают макаронники Муссолини на «Фиатах», а немцы прислали «Хейнкели». Третье. По слухам, нацисты не собираются ограничиваться поставкой железа, будут сами пилотировать. Но никому не удалось пока сбить «Хейнкель» и проверить – что за сардина в этой консерве. Четвёртое. Республиканская авиация как род войск не существует практически. Аэропланы старые, большей частью неисправные. Одним словом, посланцы из СССР в ожидании матчасти обязаны изучить обстановку и готовиться к встрече своих.

Ясно. Изображать бурное и активное ничегонеделанье. Нет уж, тем более запахло реальной схваткой с нациками.

– Товарищ комбриг, а где ближайший аэродром хоть с чем-то местным летучим?

Пумпур метнул в меня обычный советский взгляд: тебе больше всех надо? Неожиданно мои попутчики засуетились. Им тоже невтерпёж, воевать охота, а не водку пьянствовать. Женька Ерлыкин прямо заявил, что приехал не груши карданом околачивать. Нет самолётов – возьмёт винтовку и врага саблём порубит, как Чапаев.

– Рядом нет ничего. Хули делать? Приказываю – двум добровольцам двигать в Альбасете, возьмёте переводчика недобитого. Хули с вас толку... Остальные – со мной в Мадрид.

Наутро мы с Ваней Копецом погрузились в древний «Форд». Пётр Григорьевич на правах старшего по возрасту полез в кабину к водителю, нас определил в кузов. Тёзка заартачился и заявил, что он главный.

– Кто сказал? – включил непонятку наш гид.

– Пётр Ионович...

– При испанцах называйте его «полковник Хулио». Так сказать, для конспирации.

Мы сразу догадались, откуда такая партийная кличка – по любимому словечку Пумпура.

– Кстати, а как он меня величает? – переводчик прищурился подобно Ильичу на плакате.

Копец смутился, а я не смолчал.

– Недобитый.

– Ага... Значит, надеется потом добить. Ещё посмотрим. Вот что, молодые люди, разницу в возрасте не отменит ни Бог, ни воинский начальник. Извольте иметь уважение.

Хлопнула дверца, я залез в кузов, не пытаясь объяснить, что родился в Риме в десятом году после Рождества Христова. По меркам смертных, мне давно положены покой и пенсия. Вечный покой.

Ехали долго, медленно и по отвратительным дорогам. Затратили больше суток на плёвое, в общем-то, расстояние. На одной из многочисленных остановок спросил Григорьича, что он забыл у республиканцев.

– Не могу сказать, что они мне по душе. Марксисты вообще напоминают тех, кто красный террор учинили.

Копец недовольно засопел, а белый продолжил.

– Однако же я офицер Русской императорской армии. Мир кто с германцем подписал? Большевики. Моя армия войну не закончила. Подробности нужны? Одной достаточно. В битве тоже должны быть свои законы и ограничения, человечьи и Божеские. Я под Гродно служил, когда кайзеровцы на нас газы пустили. А иприт и хлор, молодые люди, не разбирают – армеец

ли в окопе или партикулярный в квартире. Куда ветер унёс, там и смерть. А уж сколько выживших, но не жильцов, с обожжёнными лёгкими! Словом, не имеет германская нация права на существование. Мало их англичане с французами в Версале прижали. Такое дело. Поэтому как Гитлер заявил про помощь другу Франко, я сюда примчался. Стар уже, в окопах не боец. Стало быть, военный переводчик да советник. Ещё вопросы, господа красные соколы?

У меня не нашлось. Недобитый белогвардеец имеет мотивацию того же типа, что и меня в преисподней снабдили. Он воюет не за, а против. Но тёзка не уgomонился.

– А немца раздавим, против красных пойдёшь, белая шкура?

– Пусть вас это не тревожит, юноша. Вы даже не представляете, насколько трудно Германии одолеть, раз ей ожить позволили. Не забывайте, вы такие же русские, заблудшие, и наша Гражданская война – сплошная ошибка. Со временем сами поймёте.

Кого же он мне напоминает? Всепрощенец... Но Копецу не до тонких материй, партия и правительство учат оставлять за собой последнее слово.

– Для вас – точно, ошибка. А Красная армия Ленина-Сталина доказала свою правоту!

Я не стал встречать с разъяснениями о главенствующей роли Троцкого в Красной армии времён Гражданской войны и о неоднозначности происходившего в России. Парень хороший, простой как рубль, ему ни к чему историческая правда. Только вперёд – и к чёрту детали.

Наш недобиток прав, у германской нации в числе иных качеств есть уникальная способность вызывать к себе жгучую ненависть других народов. Ничто так не объединяет Европу, как повод набить немцу морду.

Аэродром Альбасеты встретил нас на рассвете пейзажем авиационной свалки. По нему явно франкисты прогулялись, но и до них тут не слишком роскошно было.

Григорьич перекинулся парой слов с человеком в гражданской одежде, представленным капитаном республиканской армии Хименасом. Нашу парочку обозвал «авиадорес русос». Испанец обрадовался.

– Вива русия! – улыбка стала ещё шире. Но когда узнал, что соколы уже здесь, а крылья – увы, посмурнел.

Он устроил экскурсию. Краса и гордость местной бомбардировочной авиации – пассажирские «Фоккеры» F.VII двадцать лохматого года выпуска – наличествуют в количестве 2-х (двух) штук. В пять рядов и семь шеренг. Да, на них поставили турели и присобачили бомбовую подвеску, но моторы изношены, запчастей нет. Короче, бомбардировщиков нет.

Не намного моложе «Ньюпоры» NiD 52, французские истребители, безнадёжно устаревшие лет пять назад. Их десяток, только половина – сравнительно исправных, пилотов не хватает. Отправили в СССР на учёбу ещё до войны, не дождались...

– Так мы же лётчики! – дёрнулся Копец.

– Отлично, камарадос! В Альбасете казармы резервистов, фалангисты бомбят его с десяти до одиннадцати утра как по расписанию. Прикажу готовить два «Ньюпора» к полёту!

Даже Григорьич удивился. Я же накинулся на напарника чуть не с кулаками.

– Совсем сдурил, военлёт? Эти гробы хотя бы проверить в воздухе нужно!

А он так небрежно:

– Вот в бою и опробуем. Или ты собрался жить вечно?

Ну почему у этих русских не бывает разумной середины? Или «снижаем аварийность», или очертя голову тигру в пасть. Спросил Ванятку, он лишь плечами пожал, насколько это возможно для души, отключённой от управления телом. Кажется, я догадался. Если разобьёмся вдрызг, здесь за аварийность никто не вздрючит, это крайне впечатляющая причина.

Прибежали механики, засуетились. Неторопливо вышел худощавый мужчина в гражданских брюках и рубаше, рука забинтована и на перевязи. Тонкие усики, лицо интеллигентное. Похоже – офицер. Какого дьявола они форму не носят? Потом выясню.

– Салуд, русия!

– Салуд, амиго, – ответил я и тут же был зачислен в ряды спецов по местному языку. Во всяком случае, наш переводчик вместе с Хименосом взяли на себя Копеца, а раненый повёл меня к другой птичке.

– Капитан Хуан Алонсо. Это – мой «Ньюпор».

Он сопровождал речь красноречивыми жестами, даже Ванятка понял. На обшивке машины заплаты. Вот откуда ранение Алонсо. Надо же, в таком состоянии посадил. Не уверен, что, будучи вполне здоровым, я справлюсь с аэропланом. А воевать на нём...

Через полчаса у кабины появился Копец.

– Скажи, Бутаков, ты на И-пятом летал?

– Не-а.

– «Ньюпор» на него больше чем на И-15 похож. Догнать франкистов разве что с пикирования получится. В десять набираем высоту и ждём. Скажи честно, сколько в этом году налегал?

– Четыре часа.

– Не густо. Я – куда больше. Значит, иду первым. Если старушки «Арадо» пожалуют, с ними порезвимся. Хуже, если «Юнкерсы» пятьдесят вторые. На прикрытии могут быть «Хейнкели» или «Фиаты», не менее четырёх штук.

– Тогда нам точно – капец.

– Не звизди раньше времени. С высоты кидаемся на бомберов. Потом нас догоняют истребители. «Ньюпор» – тихоходный, наверняка круче горизонтальный вираж закладывает. Главное – головой верти и не катись по прямой, если гад тебе в хвост зайдёт.

С таким запасом авиационной и житейской мудрости я скинул коричневый пиджак из закровов НКВД. Плечи обняла испанская лётная куртка, сверху – лямки парашюта. Без чего-то в десять утра механик Хосе завёл мне мотор, по старинке дёргая рукой за лопасть винта. Прогрелись, и я за «Ньюпором» Копеца потянулся на взлёт.

Сравнить поведение француза с И-15 не могу, я и советский самолёт плохо знаю. Одно очевидно – видимость куда лучше. Верхнее крыло прямое, без изгиба а-ля «Чайка», нижнее очень короткое. Пулемётов два, калибр 7.7 мм, скорострельность не ахти. Они находятся передо мной, должны стрелять через винт. Ну, или по винту, если синхронизатор откажет. Прицел совершенно другой, примитивный до ужаса. Хотя – какая разница, если вообще ни разу в жизни в воздухе не стрелял. А на земле – только из ТТ, да из лука когда-то. Воин, мать вашу, гроза франкистов-фалангистов.

Плавными кругами мы забрались в прохладные три тысячи метров. Небо – ни облачка надо всей Испанией. Хорошо для загара, плохо для бегства. В облака не спрячешься при их отсутствии.

На среднем газу попривык к управлению. Машинка медлительная, но чуткая. Зато больше двухсот в горизонтали не хочет, хоть плачь.

Передний «Ньюпор» тоже пробует управляться, покачался крыльями вправо-влево. А, это сигнал даёт. Увидел, с севера восемь точек идёт. И четыре сверху.

Пока они приближались, Копец ещё полтыщи набрал, я за ним как хвостик. Восьмёрка на снижение отправилась. Хорошо видно, что это небольшие бипланы. Значит, «Арадо-68» с мелкими бомбочками на внешней подвеске. Прикрывают их истребители, «Хейнкели» или «Фиаты», не научился отличать, они на нас никак не реагируют. Мой ведущий перевернулся через крыло и сверзился вниз в крутом пикировании. Делать нечего, нельзя разрушать коллектив. Полубочка, ручку на себя, газ убрать... О, чёрт!

Мы с тёзкой – психи. «Арадо», избавившись от бомбы, превратится в истребитель, его скорость на сотню больше чем у «Ньюпора». Если называть вещи своими именами, пара неопытных пилотов сломя голову атакует дюжину фалангистов, у которых современные самолёты и явно не первый боевой вылет.

Ветер отчаянно засвистел в расчалках, загудела бипланная коробка. Лёгкая тупорылая машина раскогегарилась до трёх сотен. Наверно, мы проскочили перед носом четвёрки истребителей, я их просто из виду потерял, удерживаясь за килем ведущего и пытаюсь рассмотреть германские «Арадо», перестроившиеся в линию для поочерёдного бомбометания по компактной цели.

Вместо захода «по науке» в хвост заднему биплану, мой ведущий ввалился прямо в центр их цепочки, открыв пальбу издалека. Я чуть подправил угол пикирования, чтоб его не догонять, и рассыпал горох из «гочкисов» куда-то в сторону двух задних бомбардировщиков.

Просвистел вниз мимо обстрелянного «Арадо». Кажется, будь на законцовке плоскости лишний слой краски, сёрбнул бы немца. Покрутил головой, никого не увидел в опасном соседстве. Сектор газа вперёд, выравниваемся... И оранжевые трассы чуть выше крыла, два «Хейнкеля» прошмыгнули так близко, что «Ньюпор» основательно трянуло. Выходит, там умельцы не многим лучше меня, не попали в тихоход на весьма умеренной крутости манёвра. Переоценил их опытность. Теперь не выпускаю гадов из видимости. Конец пропал. Думаю, его вторая пара «Фиатов» жучит.

Я снизился к аэродрому Альбасете и заложил самый крутой вираж, метрах в пятистах над лётным полем. Видел зенитные спарки у испанцев. Помогите, а? Молчат. Может, боятся задеть пилото русо. Резко из левого виража в правый, мимо проносятся огненные струи, а потом и крылатые огневые точки. Доворачиваю им вслед – поздно, далеко уже, и на следующий заход навестились. Когда же у вас топливо кончится?

Решили, что на очередную атаку точно хватит. Оценив вёрткость «Ньюпора», они растянулись метров на триста. Соскочив резко вправо от атаки переднего, я обречённо увидел, что задний уверенно скользнул внутрь моей дуги поворота. Если не будет пытаться стать точно в хвост, а правильно рассчитает упреждение под небольшим углом... Рассчитал! Раненая французская лошадь затряслась как в лихорадке. Меня ударило в спину и ниже, из-под капота рвануло пламя. Тянусь рукой к привязному ремню. Высота метров шестьсот, надо прыгать... Но если задница пробита, пуля могла испортить парашют! Или нет?

Зажигание выключил, но мотор и так обрезаю. Снижаюсь, выравниваюсь, пробую оглянуться, несмотря на адскую боль в спине и брюхе. «Хейнкели» близко, но не стреляют. Джентльмены... Если выживу, учтивость вам дорого обойдётся.

«Садимся, Ванятка. Тебе не скучно?»

«... твою... В...»

М-да, не очень-то пассажир красноречив на прощание. За миг до удара в редкий кустарник отстегнул ремень. Знаю, в теории лучше оставаться пришпиленным к креслу, но прошу принять поправку на иной метаболизм, подправленный демоническим присутствием. И так, упираюсь правой ногой в приборную доску. Левая не слушается... Удар! Треск, грохот, истребитель ломает шасси, скребёт по винограднику, поворачивается. Машину поставило на крыло практически вертикально, я вылетел из кабины и на какое-то время потерял сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.